ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

10—25-го августа 1930 г.

ПРАГА

63-64

10—25-го серпня 1930 р.

PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ИЙ

РІК ВИДАННЯ 3-ІЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Петр Закрепа:* Призыв.
2. *Олександер Півень:* У лагерях під станицею Уманською.
3. *Людмила Костина:* Быть может — нет, быть может — да.
4. *Е. Е.:* Без работы.
5. *А. Бабков*: Грузчики.
6. *В. П. Елисеев*: Ложечники.
7. *Я. Рудик:* *** Вірш.
8. *Виктор Карпушкин*: Казачий Край.
9. Борьба с коммунистами среди порабощенных народов.
10. Д-р *Эренджен Хара-Даван:* Религия в быте народов Запада и Востока.
11. *Вл. Куртин*: Крым—Далмация.
12. *А. А. Гейман:* Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе.
13. *И. Билый:* М. Ф. Фролов.
14. *Санжа Балыков*: Памяти командира.
15. *М. Мордвинцев*: К 10-тилетней годовщине смерти полк. Г. Э. Тепкина.
16. Думы и мысли.
17. Казачья эмиграция.
18. В Казачьих Землях.
19. По белу свету.

Почтовый ящик.

Бухарест. — С. М. — Все получено. Хорошо. Подробности — письмом. Привет.

Франция. — С. П. — Спасибо. Привет.

С. Америка. — В. Т. — Получено. Привет.

Скоплье. — П. А. — Хорошо. Привет.

Подебрады. — И. К. — К сожалению, получено поздно.

Белград. — П. К. З. — Сообщите свой адрес.

Париж. — И. С. — Получено. Спасибо. Привет.

Франция. — Б. — Ни о каких „прокламациях" нам ничего неизвестно. Вероятно — провокация. Привет.

Болгария. — И. В. — Спасибо за информацию. Привет.

Болгария. — В. Р. — Получено. Привет.

Румыния. — А. Б. — Так лучше. Привет.

Злин. — В. О. — Получено. Привет.

Болгария. — П. К. — Ответ будет. Привет.

Канада. — Е. Б. — Получено. Хорошо. Привет.

Франция. — П. К. — Получено. Спасибо. Привет.

Бельгия. — И. Ш. — Получено. Привет.

Франция. — С. С. — Как мы смотрим на колонизационный вопрос? — Как на „устройство базы", как на заботы о тыле освободительной борьбы. Если бы „казачья колония" действительно удалась хотя бы и за океаном, то это никак не вредно было бы и для будущей Казакии. Привет.

Югославия. — В. К. — Привет.

Маньчжурия. — Л. — Посылаем.

Франция. — В. С. — „На побывку" получено. Хорошо. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.
А. Шапошников. Сливен.
С. Мукукенов. София, кв. Х.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.
F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom".
А. П. Чорный — A. Čorny. Drvar, Vrbaska Ban.
А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скоплье.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

ВО ФРАНЦИИ:

M-r Ivanoff. B. av. Pasteur 6. 13. S. L. S. A. à Decines (Isere).
С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.
Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe. Marseille.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Stražacka, 3.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski", ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 63—64 *Прага, понедельник 10—25-го августа 1930 г.* *№ 63—64*

Петр Закрепа. (*Белград*).

ПРИЗЫВ.

Далеких зорь горит восход, —
Я слышу бранный звон металла:
Чеканит Время долгий ход
И сердце верить не устало.

Степей родимых слышен зов:
„Бойцам, за волю павшим, — слава!
Им лязг разорванных оков —
Как гимн небесного хорала!..“

Душа как факел возжена,
Победней, звонче гул металла!..
И манит трудная борьба,
И сердце верить не устало...

Олександер Півень (М. Забігайло).
(*Югославія*).

У лагерях під станицею Уманською.

Сцена в козацького (чорноморського) побиту у 4-х картинах.

КАРТИНА III.

Тихий майський вечір у лагерях. Сонечко починає заходить і помалу ховається за зеленими садками станиці Уманської. Скрізь по лагерях чуть козацькі співи. У самому центрі, коло великої офіцерської палатки і табельдоту, іде чимале гульбище. Гуляє лагерне начальство двох козацьких полків і пластунського баталіона, а з ними багацько і козаків: вахмистрів, урядників і простих козаків, котрі уміють добре співать та гарно танцювать. Кой-коли співає козацький хор, котрим управляє один з молодих сотників. Як скінчить хор співать пісню, грає духова музика і починаються козацькі танці: голак, або лезгинка. Після танців, наперемінку, упьять починаються співи.

На передньому плані, ближче од того гульбища, коло одної меньшої палатки, розіслано на траві кільки козацьких бурок, на яких лежать пани: військовий старшина, два осавули та два сотники, а біля їх сидять, підобравши по турецькому ноги, чоловіка три станишних отаманів. Посередині, на білій скатертині, стоїть четвертина з горілкою, а кругом неї чарки, різаний хліб, сало, ковбаси і усяка друга страва.

Ява 1.

Військовий старшина. (*До ближнього отамана*) А ну, лишень, чуеш, Приймак! А ну, наливай усім по чарці, бо щось у горлі дуже пересохло.

Отаман Приймак. Та воно не штука й налить, та тільки горілки, ваше високоблагородіє, щось мало зосталось: чи буде усім по чарці, чи може й ні. (*Наливає чарки*).

1-й есавул. (*Підводиться і дивиться на четвертину*) Так хіба уже всю й висмоктали? Оце добре — по козацькому, — сказано: пьють, як воду... А ну, хлопці, чія зараз черга посилать за горілкою?

1-й сотник. Мабуть моя. (*Дістає з кишені гаман з грішми*).

Військовий старшина. Постой, хлопче, не хапайся поперед батька у пекло! Заховай свій гаман. Зараз я пошлю по горілку, а тоді уже ти...

1-й сотник. Так що-ж, про мене: чи так, то й так, чи гаразд, то й добре, — хіба мені що?

Військовий старшина. Ото-ж то й воно... А ну, хлопці, нагукайте мені котрого-небудь козака. (*Дістає із кишені гаман і виймає гроші*).

Отаман Приймак. (*Махає рукою*) Ей, чуеш, козаче, а йди лиш сюди! Та швидче, чого ти боїшся? Тут усе свої козаки, турків немає.

Ява 2.

Козак. (*Підходить з правого боку до отамана і піднімає руку до шапки*). Чого звольте, господин отаман?

Отаман Приймак. От слухай, що тобі військовий старшина прикаже.

Військовий старшина. (*Дає гроші*) Ось на тобі, хлопче, гроші, піди купи та принеси мені четвертину горілки.

Козак. (*Бере гроші, а од отамана четвертину*). Чи повну, ваше високоблагородіє?

Військовий старшина. Та звісно, що повну, а ти думав як? Ти думав, що пани дурні, — не вміють горілки пить?

Козак. Не можу знать, ваше високоблагородіє!

Військовий старшина. Ото-ж то воно й є, що ти, як я бачу, ще дурний: ідосі не знаєш, що пани такі-ж саме люде, як і всі козаки... Ось я тебе зараз

попитаю, а ти мені й кажи, та гляди — по чистій козацькій правді: чи уживають козаки хліб, сало та ковбаси?

Козак. Та звісно, ваше високоблагородіє, що скрізь отаку їжу уживають, бо то ж справдешні козацькі ласощі.

(*Усі втиха сміються*).

Військовий старшина. Ну, так ото-ж і пани якраз отакечки уживають: бо осьдечки, бачиш, лежать перед нами усі оці козацькі ласощі... Ну, а тепер скажи: чи люблять козаки пить горілку, чи може тікають од неї, як чорт од ладану?

Козак. Од горілки? Хай Бог милує. Чого б вони од неї тікали? Пьють її козаки скрізь, та ще й приказують: випьєм по повній, щоб наш вік був довгий!

Військовий старшина. Гаразд — коли так. Так одже-ж і пани, як бачиш, ту горілку люблять, поважають і, коли трапиться, по чарці протягають... Ну, а зараз скажи мені ось що: чи ласі козаки до гарних молодиць, або дівчат?

Козак (*весело*). А то-ж хіба ні? Як побачить котрий гарну молодицю, або дівку, та ще особливо, як цицьки у неї добрі, так аж жижки у його задріжать! (*Помалу сміється*).

Усі. (*Регочуть*) Га-га-га-га!

Військовий старшина. (*Теж регоче*) Ге-ге-ге-ге! Молодець, що правду кажеш... Ну, так ото-ж, щоб ти знав, так саме і пани ласі до скоромного... чи то пак до цього чорнобривого жіноцького роду... Чи правду я кажу, хлопці?

Усі. Авже-ж що так! Свята правда, господин полковник!

2-й есавул. Коли не бреше полковник, так, мабуть, правда.

Військовий старшина. (*До есавула*) Еге. Брехали твого батька сини, та й ти з ними... (*До козака*) Ну, так ти іди, козаче, та принеси нам швидче горілки, бо в горлі пересохло, а промочить чорт-ма чим...

Козак. Слушаю, ваше високоблагородіє! (*Повертається і хоче ити*).

Військовий старшина. Постій. Та гляди, як принесеш горілку, так ти на нас тюкни, щоб ми знали, чуєш?

Козак. Так тошно, чую, ваше високоблагородіє!

Військовий старшина. Іди-ж, та кажу — мерщій справляйся: одна нога щоб була тут, а друга — там, та зараз і назад. Заробиш добру чарку горілки.

Козак. Постараюсь, ваше високоблагородіє! (*Пішов*).

Ява 3.

Ті-ж, тільки без козака.

Військовий старшина. (*До 1-го сотника*) Ти хотів, Василю, щось розказать про дурного козака-денщика, а я перебив твою річ...

1-й сотник. Та хотів же розказать... балакали ми про те ще бувають дуже дурні не тільки оті курносі салдати, а кой-коли вишукається і по-між нашими козаками дурний, як та вівця...

2-й сотник. Або, як ото кажуть: пришелепкуватий, що не всі у його дома...

2-й отаман. Сказать би: із-за угла пустим мішком прибитий.

Військовий старшина. Ну, так що-ж ти хотів розказать про дурного денщика?

1-сотник. Та, здається, я колись про те розказував... Це ж у мене був такий дурило...

2-й есавул. Хто його знає, може коли й розказував, та тільки ми уже забули...

Військовий старшина. Та ну, розкажи, Василю, я щось про те не чув, а ти дуже гарно розказуєш.

1-й сотник. Це було іще тоді, як мене тільки-що поблагословили у хорунжого та дали мені постоянного вістового... Ну, та й попався-ж козак, як на гріх, таки нівесправжки дурний... Мучився я з ним довго. Одначе, скільки не просив у полкового ад'ютанта, щоб переміняли та дали мені другого, нічого не пособляло. От мені якось і насовітували покликать ад'ютанта і ще кого-небудь до себе на чарку горілки, щоб там, за чаркою, побачив він сам, який у мене козак... Послухався я того совіту, та так і зробив...

1-й есавул. А хто тоді був полковим ад'ютантом, — мабуть, під-есавул Гайдабура?

1-сотник. Та він-же.

1-й есавул. Ну той, покійничок, любив таки, по козацькому звичаю, пить горілочку до чаю...

3-й отаман. Знаю я його добре. Може у полку він пив горілку і до чаю, а що отут, на льоті, так він чаю не любив, а чарчину перекидав таки частенько...

1-й есавул. Любив покійничок горілку і пив її, аж поки не вмер. Пив він її що-дня і в канцелярії, за своєю ад'ютантською роботою... Один раз командір полка якось ненароком заглянув у шахву, коли бачить, аж там, по-між ділами, стоїть пляшка з горілкою і чарка. — „Ето что такое?“ — Питає він у Гайдабури. — „А ето, господін полковнік, начатое, но ещо не законченное дело“...

Усі. (*Сміються*) Га-га-га-га!

2-й есавул. Що-ж йому командір на те?

1-й есавул. Та нічого... засміявся та й пішов собі.

Військовий старшина. Та постойте, хлопці, нехай уже Василь розкаже про свого лакуза...

1-й сотник. Так ото прийшов, кажу, до мене ад'ютант Гайдабура, а з ним іще чоловіка два молодих офіцерів... Сидимо ми та пьємо чай, а по козацькому звичаю ще й горілочку до чаю... А лакуз же у мене такий дурний, що ні подать, ні принять — нічогісінько не тямить: усе роблю я сам. Бачить ад'ютант, що він справді дурний, як турецький кінь, та й надумав з ним побалакать, щоб довідаться як слід його ума... От він покликав його до себе та й питає: — „Скажи мені, козаче, чи то правду кажуть, що ти дуже таки дурний, чи може брешуть?“ — А той йому: — „Та чого-ж там я дурний? То іще як був я малий, так тоді, звісно, був дурний, а тепер же я давно уже виріс здоровий“... — „Та бачу я, — каже ад'ютант: — здоровий ти виріс, та мало ума виніс... А ну, скажи мені: щоб ти робив, як би оце була війна з турками, а тебе послали-б з пакетом у яке-небудь місто... Та не можна їхать там конем, так послали-б тебе пішки... Ідеш ти манівцем, при шашці, з винтовкою у руках, коли проти тебе виткнулась із-за гори ціла сотня турків... Що-б ти робив, коли турки пруть прямо до тебе, а у тебе є винтовка в руках, та ще й заряжена?“ — „Стріляв-би, ваше благородіє!“ — „Та постой, ти таки подумай: чого-б ти стріляв, коли ти один, а їх ціла сотня?“ — „Рубав-би, ваше благородіє!“ — „Та як же ти їх рубав-би, коли їх багато?“ — „Тікав-би, ваше благородіє!“ — „Ну, звісно, що утік би, та де-небудь сховався... Ну, добре, а що-б ти робив, коли ти отакочки ідеш при усій муниції, а проти тебе іде здоровенна рогата корова? Що-б ти робив, коли у тебе винтовка в руках, та ще й заряжена?“ — „Стріляв би, ваше благородіє!“ —

Усі. (*Помалу сміються*) Га-га-га-га!

1-й сотник. (*Розказує далі*) — „Та постой, ти таки подумай, — каже ад'ютант... — „Рубав-би, ваше благородіє!“ — „Та нащо-ж ти рубав-би корову?“ — „Тікав-би, ваше благородіє!“ — ...

Усі. (*Сміються дужче*). Га-га-га-га!

1-й сотник. (*Росказує далі*) — „Ото дурний, — каже ад'ютант, — тікав би од корови?.. Ну, що з коровою роблять, як вона одвьязалась?“ — „Налигав би її, ваше благородіє, та ще й сіна підкинув“... „Ну, от бачиш: оце добре, по хозяйському, — так би усякий зробив... А що-б ти робив, коли ти ідеш отакечки при усій муниції, а проти тебе іде наш командір полка? Щоб ти робив, коли у тебе винтовка в руках, та ще й заряжена?“ — „Стріляв-би, ваше благородіє!..“

Усі. (*Регочуть*) Га-га-га-га!

Військовий старшина. (*Сміється*) Ге-ге-ге-ге! Та вже-ж і дурний, чорти-б його удушили!

1-й сотник. (*Розказує далі*) — Чи ти не здурів? — каже ад'ютант, — чого б ти стріляв у командіра полка?“ — „Рубав-би, ваше благородіє!“ — „Та підожди, ти таки подумай сперва гарненько“... — „Тікав би, ваше благородіє!“ — „Дурна твоя голова, та й усе!.. Ну, чого-б ти тікав од свого командіра полка?“ — „Узяв-би, ваше благородіє, налигав би його, та ще й сіна підкинув“...

Усі. (*Дуже регочуть*) Га-га-га-га!

Військовий старшина. (*Регоче*) Ге-ге-ге-ге! Так ог, собача печінка, з його козаком, який же-ж і дурний! Отакий махамет, справді, або убив би командира з винтовки, або налигав би, як корову, на бичовку... Ге-ге-ге-ге!

Ява 4.

З правого боку підходить до їх козак з четвертиною горілки.

Козак. (*До військового старшини*). Приніс горілку, ваше високоблагородіє!

Військовий старшина. (*Дивиться на козака пильно*) Яка-ж це горілка і відкіля ти її взяв?

Козак. Та купив же за ваші гроші ось повнісіньку сулію.

Військовий старшина. Не знаю я, брате, нічого. Ти, мабуть, пьяний, та не туди потрапив. Неси горілку тому, хто тобі гроші давав.

Козак. Та ви-ж мені й давали, ваше високоблагородіє!

Військовий старшина. Та геть, одчепись, чого ти до мене пристав! Кажу-ж тобі, що це не наша горілка: іди, відкіля прийшов.

Козак. (*Відійшов трохи од їх направо та й балакає сам з собою*). Що за чортів батько? Чого він горілки не приймає? Сказать-би — пьяний, так ні, непохоже... Казав сам: „принеси швидче горілки, бо в горлі пересохло“, а тепер то-б-то і пить не хоче... Щось воно тут не так, та чорт їх розбере, оціх панів!.. У їх на неділю буває сім пьятниць... (*Думає*) Піду, трохи походю, та згодом прийду знову: побачу, що він тоді казатиме. (*Пішов*).

Ява 5.

Ті-ж, тільки без козака.

Отаман Приймак. Чого це ви, ваше високоблагородіє, од горілки одказались?

1-й сотник. Еге, саме як випить хочеться... Я поки розказав про свого дурного лакуза, так справді у горлі пересохло, — захотілось випить.

Військовий старшина. Підожди трошки, хлопче, ось він зараз упьять її принесе... То я у цього козака ума вивіряю.

1-й сотник. А хіба що?

Військовий старшина. Та нічого. Ти ось розказував про дурного козака, а мені хочеться показать вам розумного.

2-й єсавул. А хіба ви, полковник, цього козака знаєте?

Військовий старшина. Та ні, я його не знаю і тут уперве побачив. А тільки, як я з ним балакав, коли давав гроші, так по очах його я примітив, що це козак дуже розумний...

1-й єсавул. Як що він дуже розумний, так він горілки більше не принесе, а сховає, та її попьє, а ми його і найти не найдем.

Військовий старшина. Ні, отакий розумний козак того ніколи не зробить. Та я зроду не повірю, щоб який-небудь самий найпоганіший козак отак зробив... Наші козаки — справдешні служаки і своїх офіцерів ніколи не обманюють...

Де-хто. Та це правда. Цього ніколи не буває.

Військовий старшина. Може ви чули, що як посилав я його по горілку, так я йому сказав: „коли принесеш горілку, так ти на нас тюкни“, а він про те чи забув, чи може не насміє... От я й хочу, щоб він сам про те догадався...

Ява 6.

Помалу підходить до їх козак з четвертиною.

Козак. (*До військового старшини*) Ваше високоблагородіє! Ось я приніс вам горілку!

Військовий старшина. О, це ти упьять прийшов? Що за лиха година?.. Ну, чого ти навьяз до мене з своєю горілкою? Кажу тобі, що це горілка не наша!.. Геть відсіля, поки не битий, та більше не приходь... Марш!

Козак. (*Повертається і недалечко од їх одходить. Балакає сам з собою*): Отака бісової душі робота! Носюсь з цією горілкою, як дурний Мартин з балабайкою... Що-ж його робить і куди його йти? (*Думає*). Сам давав гроші, сам приказував, щоб швидче приніс, а тепер і приймать не хоче, чортової невіри пан!.. Здурів він, чи що?.. Ще наприкінці шуткував зо мною: „як принесеш горілку, так ти на нас тюкни“... От тобі й тюкни! Два рази приносю горілку під саму його пику, а він і брать не хоче... Чи може справді тюкнуть на їх, як на свиней?.. Чорт його знає, як би не на тюкать на свою голову... З панами шутки плохі... (*Думає*). Так вин же сам казав: „Тюкни на нас, щоб ми знали“... Справді, мабуть, треба тюкнуть: він може цього тільки і дожидає та вивіряє мого ума... А ну, більше копи лиха не буде: тюкну на їх, чортів, як на свиней, та й усе. (*Вертається, підходить помалу до лежачих панів, і одразу кричить*): Тютю на вас! Тю-тю! Ось я горілку вам приніс! Тю-у!

(*Усі на таке козацьке тюкання сміються*).

Військовий старшина. Ага, оце наша горілка, хлопці! (*Сміється*) Ге-ге-ге-ге! (*До козака*) Добре, що ти поспішився, та приніс, а ми давно тебе дожидаємо.

Козак. (*Сам до себе*). Бач, чорти б побили їхнього батька, зараз і помоглось! Добре, що я догадався... (*До військового старшини*). Та я уже приходив до вас, ваше високоблагородіє, і горілку приносив.

Військовий старшина. А чом же ти не тюкнув зразу? Треба було давно отакечки тюкнуть, щоб ми знали... Оддай горілку он тому отаманові.

Козак. Слухаю, ваше високоблагородіє. (*Оддає сулію отаманові Приймакові*).

Військовий старшина. (*До атамана Приймака*). Чуєш, Приймак! А ну, налий йому чарку горілки, нехай він випьє. (*До козака*). А ти, хлопче, слухай сюди: тепер ти попався у мої руки і ніяк од мене не одкрутиш... За те, що ти отак прилюдно тюкаєш на офіцерів, як на свиней, треба тебе оддать під суд. Як що хочеш, щоб я тебе на цей раз помилував, так от тобі який наказ: випий оцю чарку горілки, та й скажи, яка вона? Тільки я наперед тобі кажу: хоч будеш горілку хвалить, що вона добра, так битиму, хоч скажеш що гірка, чи погана, так однаково — битиму. Викручуйся тепер, як знаєш, коли не хочеш під суд іти.

Козак. (*Сам до себе*). Як з панами судиться, так краще утопиться. (*До отамана Приймака*). Та наливайте уже, господин отаман: попробую, яка вона, та тоді щось і скажу.

Отаман Приймак. (*Наливає*). Ой, хлопче, трудно тобі одкрутить: будеш ти битий.

Козак. (*Бере чарку в руки*). Дай же, Боже, пить, та не впиваться, говорить, та не проговориться, на печі спать, а на покуті дверей шукать! (*Перекидає чарку в рот*).

Військовий старшина. Добре ти, хлопче, навчився до чарки приказувать... За одну таку приказку треба-б налить тобі ще одну чарку... А ну, кажи, яка горілка?

Козак. Та не роскуштував, ваше високоблагородіє!

Військовий старшина. Бач, чортів хлопець за первою уже й одкрутив... (*До отамана Приймака*). Ну, налий йому ще одну, — нехай роскуштує.

Отаман Приймак. (*Наливає*). За первою одкрутив, а за другою налигаєм, як бузівка.

Козак. Нема у вас такого й налигача, щоб мене налигать. (*Бере чарку*). Нехай же будуть живі та здорові усі дівки та молодиці чорноброві! (*Пье*).

Військовий старшина. А що, яка?

Козак. Сказать би, така, як і перва, та тільки іще трохи не розібрав.

Військовий старшина. Еге, хамлет, дивись ти, який хитрий! Ну, налий йому ще одну, побачимо, що він за третьою скаже.

(*Козак підставляє чарку, а отаман наливає*).

Козак. (*Підносить чарку до рота*). Горілка мене родила, горілка хрестила, вона мене і в труну зажене: прощай, мій розуме, коли з горилкою зустрівся! (*Пье*).

1-й єсавул. Та вже-ж і майстер приказувать, арицька його душа!

Військовий старшина. А ну, кажи тепер: яка?

Козак. Така чисто, як і друга була!

Військовий старшина. Так от варвар-махамет, з його козаком, дивись, як швидко випручався з моїх рук!.. Хотів тебе добре попобить, а тепер бачу, що й причепиться нізащо. (*До Приймака*). Буде, не наливай йому, ато він усю суліо видудлить, а нам нічого путнього не скаже.

Козак. Ось налийте ще й четверту, ваше високоблагородіе, так тоді скажу уже вам по чистій козацькій правді... Тоді хоч бийте, хоч лайте, — за волі вашої!

Військовий старшина. Еге, матери твоїй гарбуз печений, бачу, що великий ти дурисвіт... (*До Приймака*). Ну, та налий йому ще одну, та тоді вже й буде.

Козак. (*Узявши повну чарку*). За здоровьячко ваше, а в горличко наше. (*Пье*).

Військовий старшина. А що, яка?

Козак. Однаковісінька, ваше високоблагородіе!

Усі (*Сміються*) Га-га-га-га!

Де-хто. Обдурив козак полковника! Га-га-га!

Військовий старшина. Отакі наши козаки, матері їх хрін! (*Сметься*) Ге-ге-ге-ге! Кажуть москалі, що наші козакі дурні: де-ж тобі дурні, коли з біса розумні! Ось бач: треба було дать йому одну чарку, а він усіх нас обдурив, та аж чотирі випив...

2-й есавул. А якої ти станиці, хлопче?

Козак. Катеринівської, ваше високоблагородіе!

2-й есавул. Гарна твоя станиця... А ну, скажи мені: коли ти добре уміеш горілку пить, та до чарки приказувать, так може ти майстер і танцювать?

Козак. Танцював мій дід, танцював і батько, так хіба я не затанцюю?

2-й есавул. А ну, ми заспіваємо швидкої до гопака, а ти нам потанцюй, так випьеш іще з нами горілки. (*Начинає співать і ляскає у долоні, а другі йому заодно приспівують*).

Як би не ми, та не ви,
То-б ми тута не були,
То-б ми тута не були,
Горілочки не пили.
Ой, випила, похилила,
Сама себе похвалила,
Що я панського роду,
Пью горілочку, як воду.
Ой мій милий умер-умер,
А в коморі дуду запер,
А я пішла муку брати,
Та й зачала в дуду грати.
Ой ти моя дуда-дуда,
Я молода сюда-туда,
Навприсядки та в долоні, —
Пішла мука по коморі!

(*Під той спів козак узявся одбивать гарного козацького гопака*).

Кінець третьої картини.

Людмила Костина.
(Югославия).

БЫТЬ МОЖЕТ — НЕТ, БЫТЬ МОЖЕТ — ДА.

Я не могу сказать, что Вами сильно увлекаюсь, —
Ведь мне всего лишь только что шестнадцать лет.
Поверьте мне, что я сама в себе не разбираюсь,
Быть может, нет.
Настанет ночь, но я не сплю и все о Вас мечтаю —
Вы представляетесь мне рыцарем былых веков,
И я тогда Вас грезами, как ленгой, обвиваю,
Любя без слов.
При редкой встрече с Вами, в разговоре
Я с жадностью ловлю случайные слова,
Но, вновь расставшись с Вами, забуду ли Вас вскоре?
Быть может, да.
Когда судьба разделит нас капризными руками,
И заметет старательно чуть видный след,
В далеком будущем увижусь ли я с Вами?
Быть может, нет.
С годами, может быть, исчезнет увлеченье,
Умолкнет песня минувшей любви,
И унесутся вдаль, как желтый лист осенний,
Былые дни...
Но, если вас я полюблю, как близкого, родного,—
Расставшись с Вами вдруг, смогу ли я тогда
Забыть и полюбить, как Вас, кого-нибудь другого?
Быть может, да...

Е. Е. (*Румыния*).

Без работы.

Сижу в просторной кухне постоялого двора и думаю... Думаю, продать-ли мне ношеные брюки, что я не так давно купил на замену приходящим в негодность носимым, или кожух, неразлучный спутник мой в кубанских и астраханских боях и в крымском отходе нашем?.. — Брюки мне нужны, до зарезу нужны: сквозь носимые и так уже виднеется, как говорит стряпуха Акулина, „мясо мое". И без кожуха нельзя: на дворе вот-вот зима, а из теплой одежды — он один у меня!.. — Денежные знаки... да что говорить о денежных знаках, когда я вот уж второй день поглядываю только как люди едят!..

Мне видна спина стряпухи Акулины или, как я ее называю — Акулина Никаноровна... Она копошится у плиты, где у нее что-то варится — жарится и, очевидно, вкусное: запах оттуда неприятно раздражает меня... Она не молодая уже, особа моих лет, а то и постарше. „типованка", т. е., из выходцев из России она...

— Не ел еще сегодня, что-ли?

Нас в кухне двое только, а потому, стало быть, это она меня спрашивает... Ведь знает же, что я не ел ничего! К чему праздные вопросы? В ответ на вопрос ее я издаю нечто вроде мычания и поворачиваю с досады голову к стене, продолжая напрягать мысли свои над вопросом о брюках и кожухе...

— На! ешь! раздается неожиданно над ухом у меня голос Акулины.

Я быстро повернулся: предо мною Акулина с большою чашкою кофе и порядочным ломтем свежего полубелого хлеба... — Да пошел-бы хоть дров наколол мне: нечего отлеживаться-то!

Дав работу желудку, благодаря чему сразу и настроение у меня изменилось к лучшему, я пошел наколол ей дров, наносил воды, почистил коровник...

— Ну, дров наколол Вам, Акулина Никаноровна, воды налил в обе кадки...

— Молодчага, молодчага! что и говорить...

Она обернулась ко мне: вижу ее улыбающуюся, лоснящуюся от жира физиономию...

— И коровник почистил Вам, продолжаю я докладывать ей не без задней мысли, авось еще что-нибудь из еды перепадет мне, — да и теленка — залез глупый в другое стойло — я к корове подпустил...

— К корове подпустил? испуганно переспросила меня Акулина и, как держала в руках какую-то ложку, так моментально с нею и выскочила во двор, побежа-

ла к коровнику... Я гляжу ей вслед и положительно недоумеваю, что с ней такое? Минут через пять, тяжело дыша, возвратилася Акулина на кухню и, уперев руки в бока, вызывающе уставилась на меня.

— Голова у тебя есть на плечах?

Я молчу: ну, что отвечать? Ведь видит же она голову мою!..

— Тебя спрашиваю, есть-ли голова у тебя на плечах? не унимается она и опять с моей стороны ни звука...

—Кто-ж теленка к корове-то подпускает? Кто?..

Я обозлился, наконец-то: Да к кому-ж его подпускать? К кобыле что-ли?

Она глубоко вздохнула и печально закачала головою: Да не о том я спрашиваю тебя, от кого происходит он!.. Теленок-то, конечно, от коровы, жеребенок-то — от кобылы... Но кто-же днем-то теленка к корове подпускает? Кто, скажи мне, мудрая голова твоя? Высосет он, идол, всю ее и на вечер нам молока не будет! Понял? что-ли?..

Я вздохнул: теперь-то я, действительно, понял... понял, что не следовало мне быть сострадательным к этому подлому теленку!.. Она говорит мне „ты", я же по привычке былого интеллигента, обращаюсь к ней на „вы"... Раз, она, будучи, очевидно, в плохом настроении духа, окрысилась на меня: „Что ты мне все „выкаешь" да „выкаешь": нешто я барыня или княгиня какая?.. Обыкновенная, деревенская баба я... А он мне — „вы" да „вы". — С тех пор я и путаюсь: раз назовешь ее на „ты", а как забудешься, так и скажешь ей „вы"...

Опечаленный, уселся я на свое логово. В кухню входит хозяйка, молодая еще, пригожая собою со славянскими мягкими чертами лица. Покосившись на меня своими большими карими с поволокою глазами, она сказала что-то в пол-голоса Акулине. До меня вместе с грудным приятным тембром голоса хозяйки доносится и хриплый шопот Акулины: Из ошпиталя он, барыня: потому три месяца провалялся там... в горячке бы... Знамо обростешь шерстью-то, как не обрости.

— Ты — здешний? бросила она мне полупугливо, полунедоверчиво, косясь в мою сторону...

Очевидно, мой звероподобный вид не внушал ей, хозяйке, особого доверия.

— Нет, сударыня! издалека-я... я — беженец!

— А! процедила она и все более и более поворачиваясь лицом ко мне.

Вижу я, как в ее больших глазах появляется уже и сочувствие, сострадание ко мне.

—Что же, вы работы ищете? и лицо ее залилось краскою...

И опять шопот: ты бы дала ему, Акулина, поесть чего-нибудь: смотри, как исхудал он...

— Да он и так для кухни старается: вон и дров наколол и коровник вычистил... расхваливает меня Акулина, но об истории с теленком, чего я очень опасался, дипломатично умалчивает...

Пошептавшись еще о чем-то с Акулиной, хозяйка уходит из кухни, но задержавшись на минуту, на ходу бросает мне: „Я поговорю с мужем: быть может, он и найдет что-либо для Вас, а пока... Она кивнула головкой, ласково улыбнулась и в огромной невзрачной кухне от улыбки этой как-будто посветлее, радостнее стало...

Акулина ткнула мне тарелку вареной картофли: — Ешь! Да поскорее! буркнула она, но о последнем меня и просить не надо было!..

Я уже третий день как живу здесь на постоялом дворе в ожидании пока найду себе какую-либо работу...

Когда я в первый раз попросился переночевать, то Акулина, покосившись на мою котомку с вещами за плечами у меня и окинув меня подозрительным взглядом, не хотела даже и во двор пускать: — Нет места у нас!.. А если которые и ночуют, так те при своей скотине, при подводах своих!

Я хотел было уже разжалобить ее упоминанием о принадлежности своей к военному сословию, но она не дает мне высказаться и продолжает: А то тоже вот в прошлом месяце напросился один такой же, как и ты, „проходимец" заночевать... и так, и сяк улещивал меня... „я, говорит, не то чтобы простой человек, а я капитан..." Пустила... а на утро глядь... ни капитана, ни утюга моего нету... А хороший утюг был...

Упоминание о капитане, унесшем у нее утюг, моментально заставило меня не только умолчать о моем военном прошлом, но даже когда она потом переспросила меня „не из военных-ли я"?то я к стыду своему отрекся, категорически отрекся, как некогда Петр от Христа, от родного дела своего, посвятил я которому всю свою жизнь... Пустила, — на дворе моросило, — но взяла с меня чуть-ли не клятвенное обещание, что я ничего не унесу из кухни у нее...

Днем ходишь, ищешь работишки хоть какой-нибудь — иногда подвернется, а то по большей части и так целый день зря пробродишь... — Акулина как-бы сочувственно, участливо относится к положению моему... — Работы, сколько угодно!.. Да вся беда твоя, что язык у тебя жесткий!.. Говорить-то толком ты по здешнему не горазд! Вот и покойник, муж мой, царство ему небесное, никак произойти языка ихнего не мог!.. Пойдем на базар, бывало, так и водишь его за рукав за собою!.. Потому голова у него не работала!.. У тебя тоже голова что-ли не работает?.. допытывает она меня.

Я отвечаю, что не работает голова: не об'яснять же ей, что душевное состояние мое таково, что не до изучения мне нового языка: тут и родной свой и то скоро позабудешь, пожалуй!

— То-то я и вижу! А места есть... Местов сколько хочешь... В баню, вон, банщик требуется... Ну, как тебя допустить туда? Потому ты без'язычный: ошпаришь человека кипятком вместо холодной воды и отвечай тогда хозяин за тебя!..

Перспектива быть банщиком мне показалась заманчивой: какая бы экономия в одежде? Я даже открыл, было рот, но она и не слушает меня, не дает говорить, продолжает: Лакей в дом один нужен... Она взглянула на меня и безнадежно развела руками: ну, куда-ж тебя в этом виде в дом пустить? В лесники-бы ты годился еще: там вид твой подходящим был-бы...

Я сидел, словно преступник какой, опустив голову... И долго еще причитала она надо мною: Ох-хо-хо! горе мне с тобою горькое!

На плите в это время что-то зашкварчало, зашипело и она бросилась туда... Управившись с плитою, опять подошла ко мне, держа в одной руке какую-то крышку, в другой — ложку: Без языка вот и определить тебя трудно... Ну, а давече ходил, работишка перепала какая или так прошлялся?

Я приподымаю голову и вижу, подоткнутый с одной стороны подол платья ее, темненький головной платок на затылке завязан узлом и концы его, словно заячьи уши, болтаются по сторонам; вижу ее вечно лоснящуюся физиономию, маленькие свиные глазки, нос башмаком и... и ясно слышу запах спирта... Об'ясняю ей, что на пристани снес с парохода к извощику чемоданы какого-то господина, тот рылся, рылся в бумажнике, показывал мне только сотенные бумажки, проговорил что-то и... уехал...

— Так и не заплатил?

— Так и не заплатил!

Она возмущается, сочувствует горю моему, сокрушенно качает головой и, называя меня „незадачливым", идет к плите. — Если не лень, то двор подмел-бы — авось, хозяйка за старание твое даст поесть тебе чего нибудь!

Я обрадовался предложению и через несколько минут сердито замахал по двору метлою, подымая тучи пыли и сам утопая в ней...

— Да, ты полегше! Ишь, развоевался то: так и всех жильцов из дому повыживешь!

Я приостановился: действительно умерить надо пыл мой, — весь двор утопал в пыли и кое-где уже из окон начинали высовываться недовольные лица, бурчавшие что-то по моему адресу...

Дня через два ходатайша моя Акулина направила меня на работу в дом через дорогу: там готовилось какое-то семейное торжество, — не то свадьба, не то именины чьи-то и я суток с двое то ковры там выколачивал, то чистил мебель и прочую работу делал... Спасибо, кормили хорошо, сытно... Поднесли даже чарку водки... Я хотел, было, отказаться: не пью, я, но... но выпил... Когда уходил, то и денег дали...

А. Бабков. (*Румыния*).

ГРУЗЧИКИ.

Мы — грузчики! Мы грузим вагоны;
Мы носим тюки на усталой спине.
Мы — те, что недавно носили погоны,
И кровь проливали за Дон на войне.
За светлую участь родного народа,
Забыв про опасность, в кровавых боях
Мы с красными дрались почти что три года
С решимостью гордой в усталых очах.
Водили вперед мы в атаку колонны,
Чтоб мир дать и счастье родимой стране...
И все, что носили погоны,
Мы носим тюки на усталой спине.
Чуть брезжит рассвет, — уже у вокзала
Идем мы на пост свой тяжелый опять,
(Как прежде мы к бою ходили, бывало)
Чтоб семьям своим пропитание дать.
Мы тем-же покоем духовным об'яты,
Луч светлый надежды в душе не угас;
Нам больно и горько одно — солдаты
Врагов стали видеть в одних только нас.
Есть горечь обиды, сокрытой глубоко,
Она не заслужена нами совсем;
Мы — те же, что дрались в окопах далеко,
Мы — те, что делились с солдатами всем.
Мы — грузчики! Тяжесть чужих преступлений,
Ошибок чужих — на себе мы несем,
Но сердце не знает в нас горьких сомнений,
Пред родиной мы неповинны ни в чем.
Нам больно, что мы свои силы и знанья
Не можем отдать на служенье стране,
Что нам за тот бой, за раненья, страданья
Остался... тяжелый наш груз на спине.
Усталые мы... Но, сильна наша вера
В величье идеи... В том — сердце оплот;
Мы верим — тоски переполнится мера,
За темною тучей и солнце блеснет.
Не слышны в нас муки, тяжелые стоны,
Не видно тех слез, что мы льем в тишине...
Мы — грузчики! Мы грузим вагоны,
Мы носим тюки на усталой спине.
Несем мы их гордо, с молитвой святою,
С покоем в душе, как в минувшие дни.
Мы верим — Родина, ты станешь иною —
Не вечно мы будем грустны и одни.
Правдивое слово родного народа
Разгрузит тебя ото лжи — клеветы
И все, кому правда близка и свобода,
Увидят, что мы пред тобою чисты.
А если бы дни наступили другие,
И враг бы на Дон шел опять,
Мы снова готовы казачьей стезею
Вести казаков, чтоб Его отстоять...
... Мы — грузчики! Мы грузим вагоны;
Мы — те, что сражались за Дон на войне,
Мы крест свой несем, как носили погоны,
Эмблемой любви и служенья стране.

23 июля, 1930.

В. П. Елисеев. (*Румыния*).

Ложечники.

(*И смех и грех*).

Трещит по швам старый, дырявый (еще донской) чувал на старых, слабых плечах деда Маркея. Вот-вот, того и гляди, что разлезится и в руке Маркея останется один „гузырь“ да завязка, а весь „товар“ — половники, ложки, корцы, ножи и скалки, — посыпятся на землю, а пока соберешь, и базар пройдет и... и ничего не выручишь. А выручить, ох, как надо деду Маркею. Не потому надо, что ему сегодня есть будет нечего. Нет. А потому, что дед Маркей давно уже взял в привычку (а привычка, ведь — вторая натура) после каждого базара слепливать старенькие, порватенькие леи и бережно (с присущим одному только деду Маркею благоговением) их заворачивать в свой грязный, земляного цвета платочек. Грешен дед Маркей — любит деньгу. Да и как не любить? Старенький он уже. И один, как палец, на чужой земле. Кто допоит и докормит, если не будет в кармане?.. Вот он, пока еще носят ноги, и запихивает „леички“ в грязный носовой платочек на этот страшный „черный день“. Правда — небольшая деньга лей, да „птичка по зернышку клюет, а сыта бывает“...

Бережлив дед Маркей, но он еще и скуп. Правда и то, что „скупость — не глупость“, но все же, — зачем уж так крепко скупиться? Зачем, например, ложиться иногда дед Маркей на ночь с пустым брюхом и только лишь потому, что пожалеет развязать свой далеко запханый платочек? Известно, что „жив живое гадает“, но все же... зачем укорачивать и без того уже короткую, слабую жизнь?

Но деда Маркея не так-то легко проймешь. Он страшно упорный. И когда молодые казачата, зная слабость деда Маркея, подтрунивают над ним — „умрешь, дедушка, и все равно никто и пятака не запхнет тебе в ....“, — он только полусконфуженно улыбается, но остается при своем мнении, что за лей нужно „душиться“...

Трещит некрепкий чувал деда Маркея. Вот-вот разлезится. Больно давят высунувшиеся корцы и ложки дряхлые, сухие плечи, но Маркей, сопя и кряхтя, добирается таки до базара. Остановился передохнуть — видит другой ложечник, Осип, его нагоняет. Тоже с набитым чувалом да еще и с „сапами“ и „казачками“ в руках.

Понятно, что и Осип спешит на базар. Осип на десяток лет будет помоложе деда Маркея, но тоже уже дедом называется. Кормится он также, как и дед Маркей, „ложечным делом“, т. е. тоже „ложечник“. Наделает чувал ложек, половников, корцов и всяких там безделушек, — загонит и опять делает. Так делает и загоняет их уже десяток лет. И нет ни одного дома в городе, где бы не существовало ложки, ножа или еще какого-либо предмета из его „товара“. Ложку покупают на кухню, корцы идут по магазинам, а „сапы“ и „казачки“ детям, как забава. Правда, иногда покупают не потому, что уж так нужен дедовский „товар“, а просто так, на бедность, — надо же выручить стариков. Но так или иначе, а „товар“ не залеживается...

Обоюдный (и ведь довольно-таки оригинальный) зароботок, обоюдная старость, одна и та-же чужбина, — вот что связывало наших стариков теснее тесного. И они, правду сказать, живут в полной дружбе. Стругая ложки и выдалбливая корцы, они гуторят и гуторят без конца... Давно уже каждый из них по тысячу раз рассказал друг другу о своей станице и хуторе; о удобных и неудобных станичных, юртовых землях; о численности бывших у каждого амбаров, букарей, разводов, веялок, косилок, сеялок: о количестве десятин

засеваемого когда-то хлеба; о том кто и сколько раз женил сыновей и выдавал дочерей; кто и сколько раз провожал первых „на службу“ и сколько раз по прибытии со „службы“ их „отделял“ и что им давал на „отдел“; сколько у каждого из них осталось сирот после германской и красной войны, — в общем, по тысячу раз рассказали друг другу всю подноготную вплоть до сегоднешнего их „ложечного“ дня. Рассказали и все продолжают рассказывать. И все с таким же жаром, и все с теми же деталями. И главное не замечают, что толкуют ежедневно про одно и то же. И не заметят, ибо „у кого что болит, тот о том и говорит“...

У каждого из них все теплится сладкая надежда и вера (не дай Бог, если бы вырвал у них эту веру, — сразу бы свернулись их старенькие мозги) увидеть снова все то, о чем они и денно и нощно не перестают думать... Жизненного опыта у каждого из них, хоть отбавляй, и потому и один и другой имеют по „грязному носовому платочку“, припасенному не только для черного, зарубежного дня, а и для дома. Разница, быть может, только та, что у одного этот „платочек“ потолще, а у другого потоньше, а, может быть, оба толстенькие (признаются, что-ль, когда каждый только все вздыхает да охает).

Много, много общего у деда Маркея и деда Осипа, но немалая есть и разница между ними. Казалось бы, откуда ей, этой разнице, и быть-то. Ведь и дед Маркей и дед Осип, оба они очутились на старости лет на чужой земле в однех рубахах (а может быть и без них), оставив на красный произвол и свои семьи и свои хозяйства; оба они здесь за ложками и состарились; обоих их ждет одна и та-же не очень улыбающаяся им перспектива (все шансы, так сказать, на их тождество на лицо), — между тем, дед Маркей оставляет, недоедая, половину огурца на завтра, тогда как дед Осип не только с'едает весь огурец сразу, а даже зачастую и водочкой (вернее спиртиком) его запивает.

Но это еще куда бы ни шло, что дед Маркей оставляет половину огурца на завтра, а дед Осип его сразу с'едает, запивая водочкой, а вот в чем вся загвоздка их характерной разницы, вот что заставляет деда Маркея иногда делать крест над дедом Осипом и его, „старого хреховодника“, даже сторониться, а именно — дьявольская слабость деда Осипа к „семейной жизни“... Правда, что дед Осип помоложе деда Маркея, но все же, ведь и он стариком считается, и потому к лицу ли такой „грех“? И не только, что грех от Бога, но ведь стыд от людей. Но деду Осипу и в рот не уедешь. — Жить хочу, — оправдывается он. — Я за этими корцами состарился. Дед Маркей делает тогда над Осипом крест, творя молитву, и слезно просит его „одуматься“. Просит со слезами на глазах „не путаться с нечистыми“...

Дед Осип будто бы успокоится, позабудет о „семейной жизни“, а потом ходит, ходит, все о чем то думая, и исчезнет из квартиры, а раз исчез, — значит, „женился“. Поживет где-то „женатым“ две-три недели и опять явится к деду Маркею, на свою старую „холостую“ квартиру. Явится разбитым больным и принесет с собой только то, что на нем. Значит, бросила „сволочь“ и обобрала...

Дед Маркей, видя большую тягу своего друга к „семейной жизни“, иногда даже идет на уступку, соглашаясь на „женитьбу“ Осипа, но только советует ему, если он „рассуждает серьезно“, сойтись с “женщиной подходящей“, т. е. старой, такой же, как и сам Осип“. Но где там? Осип в такой женитьбе и „нужды не имеет“. — Что я буду делать с ней, — говорит он. — И я старый, и она старая...

Надо сказать, что от базара, где продают свой „товар“ ложечники и загорается-то весь сыр-бор, как раз здесь-то и происходит зачатие Осиповых „женитьб“. Вот почему Маркей и предупредил Осипа еще дома, когда собирались на базар, чтобы „выбросил из головы дурные мысли“ и выбросил их тем более потому, что не так давно, „женившись“, Осип поплатился не только тем, что истратил на „молодую“, купив ей, голой одеженку, а поплатился и своим собственным скарбом и „сбережениями“. Забрала все, что было в их „семейной комнате“, когда Осип отлучился из дому, да и была такова. Ищи ветра в поле...

Не оправдывает Маркей, как ближайший свидетель „семейных“ несчастий Осипа и баб, „этих бесстыдниц“, которые не хотят работать а только шалаются да „вводят в соблазн добрых людей“. Это оне, окаянные все в заводе. Подойдут, как будто тоже что-либо поторговать и, сразу хватаясь за скалку, начнут заламывать двусмысленности и вертеть хвостами — развратом отдавать. А Осипу только завертись да улыбнись, так он сразу и растопится...

Базар в полном разгаре. Ложки и корцы аж хвостами мелькают. Деды не успевают получать леи да засовывать поглубже в карманы. Торгуются, стараясь выколотить побольше, особенно когда видят, что ребенок не может оторваться от „казачка“ или „гадюки“. Дергают „казачков“ за ниточку, так сказать, разжигают страсть, а сами стоят на своем, ничего не уступают. Хочешь, не хочешь, а плати, мать.

Пустеют чувалы. Нужно только радоваться. Но что с лукавым поделаешь, когда он нанес на дедов с порепанными пятками вылезшими из стоптанных ботинок, двух баб? На то он и лукавый.

Собственно говоря, беды тут особенной нет, что подошли к дедам две бабы, хотя бы и с порепанными пятками. Мало ли кто не может подойти к ним? Но, опыт, опыт деда Маркея. Его не проведешь, как бы не увлекся он торговлей. И потому, как только он их увидел, так сразу у него руки и опустились.

— Мразь, — сразу заругался он. А „мразь“ торгуется с Осипом да чему-то, лукаво оскаляясь, шушукается. Прислушался Маркей, разговор идет о скалке... Ох, эти проклятые скалки, — прямо хоть брось их делать. Осип пока и нашим и вашим. Улыбнется будто-бы бабам, а, взглянув на Маркея, сразу делается серьезным. Не гром, а молния сверкает в глазах Маркея. Но не бросить же торговлю для „образумления хреховодника“, и посему торгует и торгует, жадно засовывая в карманы леи. А Осип улыбался, улыбался бабам, поглядывал, поглядывал боязливо, искосовика на Маркея, да и начал потихоньку складываться, куда-то торопиться.

— Куда? гневно бросил Маркей.

— Да кончается уж. Нечего продавать.

— Ну, так куда же ты?

— Посижу, пока ты освободишься, вот в этом ресторанчике.

— Опомнись, бесстыдник. Ишо не научен?

— Зря стыдишь, Маркей. Напрасно думаешь, что опять с ума сойду. Пойду погутарю только и больше ничего. Приходи и ты, и пойдем оттуда домой вместе. И, положив чувал на виновато поджавшиеся плечи, тихо поплелся под гневным взглядом Маркея „гутарить“ в ресторан...

Прошло две недели.

Дед Маркей в большом гневе, а дед Осип в большом бреду. Безмолвный свидетель обоюдного горя дедов, круглый месяц, слабо просачиваясь сквозь единственное маленькое оконце комнаты, чуть освещает голые, ошарпанные ее стены, неподметенные, валяющиеся по грязному полу стружки и недоделанные корцы и ложки. В углу стоят два тощих чувала, сиротливо прижавшись друг к другу. Из дырявых их боков грустно торчат ложки, корцы и эти „проклятые“ скалки...

Дед Маркей в большом гневе, а дед Осип в большом бреду. В комнате грязно и неуютно...

Оставшиеся книги Календаря-альманаха „В. К.“ на 1930 г. можно приобрести в ред. „В. К.“ по цене 20 корон чешских

Я. Рудик. *(Прага).*

***

З журбою я пройшов тернами
В майові дні весни своєї.
Нащо квіли в душі лілеї
Надій чаруючих грядками?

Ще в руки кат цвяшки вбиває,
Ще стогнуть там тяжкії муки
І плачуть росами ще луки;
Нарід святую проливає.

Коли сурмили в полі сурми,
Акорди звуків з них лунали;
Про волю..! рай коли співали,
Колы палали в огні тюрми, —

Чому тоді не впав, підбитий,
На грудь степів моїх шовкових
І не приспав я снів майових,
Як мама діточок повитих?!

Виктор Карпушкин. *(Брно).*

КАЗАЧИЙ КРАИ.

Помнишь ли край, где сады зеленели,
Где степи широки цветами пестрели,
Где утром над речкой носился туман,
Где, снегом покрытый, стоял Великан?..

Помнишь ли край, где песня звучала,
Где плавно казачка в кругу выступала,
Где звуки лезгинки туманили мысль,
Где в бешеном танце кинжалы плелись?..

Помнишь ли край, где орел пролетал,
Где сокол над степью ковыльной клектал,
Где стадо ходило степных скакунов,
Где — образы милых, родных хуторов?...

Помнишь ли край тот, казак одинокий,
Там, за морями, край наш далекий?..
Помни же!.. Вечно о нем вспоминай...
Это — родимый Казачий наш Край!..

Борьба с коммунизмом среди порабощенных народов.

С захватом государственной власти в России большевиками началось насильственное распространение коммунизма и на землях народов, входивших в состав б. Российской империи. Все эти народы с утверждением большевизма „имели удовольствие“ получить еще один вид господства, принесенного новыми поработителями „на остриях своих штыков“. „Новое учение“, насильно внесенное красными оккупантами в чужие земли на штыках красной армии, естественно превратилось в новое иго, новое рабство, легшее всем своим бременем на плечи пробудившихся к своему самостоятельному государственному бытию окраинных народов. И эти народы не приняли московской коммунистической „свободы“. С новой силой возгорелась борьба...

Не будем останавливаться на общеизвестной истории этой борьбы, отчаянной, упорной, потребовавшей много жертв лучших бойцов, пролившей реки крови и слез, создавшей так много ужаса, унижения и горя среди сопротивляющихся. Нам важно отметить сейчас то знаменательное явление, что в то время, когда сам русский народ, воспитанный испокон веков в рабстве и покорности, без протестов принял и признал владычество новых деспотов, когда русский мужик безмолвно паде ниц и не только молча склонил голову перед красным хамом, но и активно стал на его защиту, сыны окраинных Земель — Казакии, Украины, Грузии, Дагестана, Азейберджана и иных Закавказских, Туркестанских и Сибирских народов — воспитанные по предковским рыцарским заветам борьбы за свободу, одни единственные подняли оружие против новых „северных гуннов“.

Для русского народа, на землях Великороссии, революция окончилась в большевизме; самодержавие заменилось комиссародержавием, и — на этом конец: размах и силы русского народа в революции были исчерпаны, если не считать сюда последовавших затем покорительных войн.

На окраинных же Землях вольнолюбивых народов революция еще продолжается; темп ее, правда, неодинаков, ритм — неровен, но стержневая линия ее еще тянется и не достигла своего завершения. Завершение же этой линии и революции может быть лишь в достижении свободы. Чем более жертв и крови, чем более жесток и груб поработитель, — тем более и острее жажда к освобождению. Революция на окраинных Землях бывш. России — продолжается. То вспыхивая, то затихая, она сама в себе таит и накопляет силы для будущего окончательного размаха. История насаждения и свирепствования коммунизма на окраинах бывш. России, это история сопротивления, восстаний, борьбы покоренных народов за свою свободу. Заключительный аккорд этой дикой и кровавой коммунистической какофонии будет — гром и буря. События, совершающиеся в настоящее время в Казакии, Закавказьи, на Украине, в Туркестане и среди Казачества в Сибири — исторический симптом, предвестие неизбежной развязки.

За последнее время иностранная и эмиграционная печать вновь стала пестреть известиями об оживившейся деятельности повстанческих партизанских отрядов на окраинах СССР. Несомненно, эти движения возникли в связи с новым этапом „социалистического строительства“ в Совдепии, в связи с насильственным насаждением коллективизации и усилившимся большевицким террором. Население окраин вновь прибегло к сопротивлению новым убийственным

экспериментам московских коммунистов, тем более, что эти последние эксперименты повсюду сопровождаются нечеловеческой, невиданной, чисто инквизиторской жестокостью по отношению к тем, кто новому большевицкому безумию противится. Массовые расстрелы, выселение с семьями из дворов, даже за пределы родного края, на север, в изгнание, грабеж хлеба, скота, инвентаря и домашних пожитков „раскулачиваемых" и расказачиваемых хлеборобов со времени об'явления пятилетки стало снова на порядок дня.

Доведенное до отчаяния население, потерявшее все свое достояние, жестоко гонимое и преследуемое, начинает находить для себя выход из крайне тяжелого положения в вооруженном сопротивлении. Пока несвязно и неорганизовано, отдельными вспышками в разных местах проявляется противобольшевицкое движение на землях порабощенных народов.

Особенная активность в борьбе с советской властью Москвы отмечается в настоящее время на Землях Закавказья, Приморского Сибирского казачества, Украины и Казакии. Вновь эти борющиеся народы приходят к сознанию, что освобождение от Московского большевицкого рабства возможно лишь путем активного сопротивления, беспощадной борьбы с врагом, путем вооруженного расстройства его планов, обессиливанием его безумных начинаний...

Такая борьба со звероподобным, безмерно жестоким и вероломным врагом, не брезгающим никакими средствами, влечет, безусловно, за собой массу жертв и новых страданий, но ведь и другого выхода у людей, доведенных до нищенства, поставленных под угрозу голода и уничтожения, уже нет. Все бывшие пути и способы сопротивления пассивного (саботажа и проч.) оказались недействительными. Люди, не имеющие уже что терять, кроме своего рабства, отчаиваются на решительный шаг, на последнее средство. Борьба принимает острые формы обоюдного насилия; большевицкий террор вызывает ответный террор; смерть, издевательства и страдания неповинных людей искупляются смертью озверевших преступников. Эта логика борьбы с тираниею, так сказать, ее философия, право и мораль начинает постепенно, но неуклонно сознаваться теми, кто не может примириться с насилием и бесправием. По крайней мере восстания, вспыхивающие за последнее время в различных местах и вновь оживившаяся деятельность повстанческих партизанских отрядов на широкой территории, свидетельствует о том, что происходит уже какое то определенное нащупывание вышеуказанной верной линии борьбы с врагом среди покоренных народов.

Таким образом, борьба с большевизмом и коммунизмом как будто возвращается к своей исходной точке, к тем формам, в каких она велась с самого начала при завоевании большевиками окраин СССР. Это явление можно пояснить, как ритмическое пробуждение и нарастание известной энергии сопротивления после некоторого времени ее ослабления даже упадка.

Вначале революция на Востоке Европы была в своей наивысшей точке, достигла наибольшего размаха, и народы, ведшие борьбу с большевицким наступлением, обладали еще всей силой пробудившейся в революции энергией. Методами большевицкой борьбы — способом бессовестного обмана, провокации и беспощадного террора, при перевесе физической силы, — энергия сопротивляющихся была сломлена. После известного напряжения она перешла в состояние упадка. Последовало психическое утомление масс и отрицание активных форм борьбы. Почти у всех борющихся перечисленных народов возникла пассивная форма сопротивления. Массы, не воспринявшие московского рабства, выдвинули против него бойкот и саботаж.

Из листовок, прокламаций и агитаций, имевших в то время распространение на Украине, на Дону, Кубани и в Закавказьи, становится понятным, что сопротивляющиеся большевизму селяне и казаки шли под лозунгом бойкота всех советских общественных учреждений сельрад, комбедов и проч. Агитировалось и настаивалось на том, чтобы удалиться в тень, не принимать участия в большевицком управлении, не выбирать и не идти ни в какие советы. Пусть, мол, делают „товарищи" себе что угодно, — это нас не касается.

Когда же коммунисты стали всех своих противников зажимать, пробудившиеся казаки и селяне обратились к более радикальному и активному действию. Нарастающая постепенно и зажимаемая под прессом энергия начала искать для себя выхода. И выход этот искали снова в активном вмешательстве в советские общественные учреждения. Противники большевизма выбросили тогда лозунг захвата в свои руки сельрад, станрад и проч. В агитационных листках и устной повсеместной агитации в Казачьих и других Землях ярко обрисовывается это новое оживленное настроение. И действительно, второй этап противокоммунистической борьбы отчетливо характеризировался заметным „кулацким" влиянием в различных большевицких обществах.

Северский же пресс неуклонно продолжал все время давить на сопротивляющиеся народы. По мере большего и большего сдавливанья и различных репрессий, возростала сила недовольства, накоплялась энергия отпора и прорывалась наружу в форме всевозможных эксцессов. Начали учащаться случаи индивидуального противобольшевицкого террора, убийства ответственных советских работников, иногда разгрома совучреждений, порча советского имущества, „вредительства" и т. д. Постепенно начали появляться вновь небольшие отряды повстанцев. В Казакии, на Украине и в Грузии вспыхивали различной силы восстания, быстро, правда, ликвидируемые совластью.

И наконец, когда уже коммунистический пресс надавил со всей силой на селянство и казаков „до отказа", все наростающая энергия сопротив-

ления, сжимаемая до крайних пределов, приобрела такую пружинность, что начала прорываться с силой и отталкивать нажим. Безобразная насильственная коллективизация и решительный удар по продуктивнейшим работникам-хлеборобам, именуемым „кулаками", вызвала со стороны последних, более прежнего активный отпор. Повторение большевиками в настоящее время „времен военного коммунизма" вызвало и аналогичные последствия, т. е. восстание и деятельность партизанских отрядов.

Повторение восстаний и вооруженного сопротивления большевикам среди покоренных народов, есть повторение ритма борьбы. Трудно, даже невозможно, сейчас определить, какой размах приобретет настоящая противокоммунистическая борьба и с какой силой и темпом возростает переходящая в свою повторную фазу энергия массового отпора. Возможно, и даже скорее всего, что и все настоящие восстания большевикам удастся погасить; возможно, что после вспышки повторится опять спад энергии. Но, одно в выводе из современных событий становится вполне очевидным. Это то, что энергия отпора у всех народов, терзаемых большевицкой Россией, неуклонно наростает и время от времени приобретает все большую силу, что линия решительной борьбы с врагом определяется все ярче и что сознание исключительности этого единственного пути к свободе в сознание борющихся народов входит все шире и шире. Ясные, определенные цели и осознанные способы борьбы всегда несомненно должны привести к естественному завершению ее, к успеху. Времени достижения этого успеха определить никому не дано, но в достижении его мы не сомневаемся.

Перейдем теперь к общему краткому обзору антисоветской борьбы, разыгрывающейся на землях поневоленных народов СССР.

В Казакии с весны, со времени проведения усиленной коллективизации все время царит очень неспокойное напряженное настроение. На Дону происходили значительные волнения возле Новочеркасска и Александровска — Грушевского, куда перекинулись они с Кубани и Терека. В волнениях, помимо казаков, принимали очень активное участие и иногородние с рабочими-шахтерами. Шахтеры поддерживали энергично требования хлеборобов об отмене коллективизации. Помимо этого иногородние и рабочие выступили еще и с требованием улучшения в крае экономического и политического положения: требуют свободы религии, прекращения арестов и ссылок по распоряжению ГПУ, свободы слова, а также свободы торговли и промыслов.

На Кубани, Тереке и Ставропольщине так же неспокойно. Большая часть казаков ушла в горы. Образовав новые „зеленые" отряды, казаки ведут энергичную партизанскую деятельность и очень вредят коммунистам. Областной центр в недавнее время был близок к панике, так как начались недовольства в красноармейских частях плохой пищей. За отсутствием на рынке скота, коммунистическим частям разрешено добывать в котлы скот порядком набегов на неспокойные местности. Ходят слухи, что весь Северо-Кавказский Край находится уже продолжительное время в состоянии „окопной гражданской войны". Все ожидают с тревогой осени, когда начнут отбирать хлеб.

Все эти сведения, получены большею частью через письма из Казакии, подтверждаются и секретной советской сводкой, составленной к XVI партийному с'езду и читанной в Ц. К. Политбюро. „Маневренная свобода, говорится в сводке, необходимая при проведении административных мер, стеснена наличием „политбандитизма", сливающимся с белопартизанскими движениями. Очаги этого движения со средины мая начали опять распространяться. Борьба с повстанцами сильно затрудняется тем, что белопартизанщина местами пользуется сочувствием населения и индустриальных рабочих. Во главе повстанцев стоят зачастую бывшие партийцы, бывшие комсомольцы и даже бывшие чекисты. В некоторых частях Северн. Кавказа обнаружено братание между военскими частями, вселенными для подавления движения, и белопартизанами: партизаны соглашаются временно притихнуть, или перейти в другой район, а часть возвращается с рапортом, что движение подавлено.

В Закавказьи повсюду вспыхивают восстания, разростающиеся иногда в широкую операцию. Особенно большое и сильное восстание было недавно в Армении. Началось оно с Веди-Басарского района, населенного татарами. В первый же день восстания повстанцы заняли центр района Беюк-Веди. К повстанцам присоединилась молодежь из окрестностей и восстание начало разгораться. Большевики об'явили осадное положение. Патрули получили право расстреливать на месте любого крестьянина, который появится на улице после 8 часов вечера. Но никакие строгие меры не могли изолировать восставших; к ним начали вскоре присоединяться крестьяне-армяне, и борьба усилилась. Испугавшись массового движения, большевики попытались сначала ликвидировать его посредством переговоров, когда же это не удалось, решили обратиться к помощи вооруженной силы. При первом столкновении коммунисты были разбиты. Две роты территориальных частей отказались действовать против повстанцев. Повстанцы произвели нападение на Даралагезский уезд и захватили его. Коммунисты опять были разбиты и отступили, но в последующих боях за неимением боевых припасов повстанцам пришлось разбиться на малые отряды и отступить в горы, откуда они продолжают свою деятельность и до сего времени. Вторым центром восстания в Армении был Делижанский уезд. Еще более сильное повстанческое движение было тоже в Зангезурском уезде.

Среди горцев Кавказа не прекращаются волнения; оживилась деятельность абреков, скрывающихся в недоступных горах и отуда со-

вершающих набеги на коммунистов. В Дагестане все время продолжаются волнения.

На Дальнем Востоке среди казачества неспокойно. В связи с разгромом сельского хозяйства, над краем повис кошмар небывалого голода и вызвал к действию повстанцев. Восставшие казаки и крестьяне громили все советские учреждения и избивали ожесточенно коммунистов поголовно с их семьями. В настоящее время большая часть Амурских и Уссурийских казаков находится в сопках в повстанческих отрядах. Масса крестьянского населения ушла в Корею. Действуют также повстанцы и вблизи китайской границы за которую скрываются в опасности. Хорошо вооруженный повстанческий отряд в 700 чел. конницы появился недавно и действует по Амуру.

В Туркестане и Казакстане (киргизы и туркмены) не утихает до сего времени повстанческая деятельность басмачей и узбеков.

На Украине в губ. Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и на Правобережьи, в связи с грабежом урожая, вспыхнули серьезные восстания. Селяне составляют вновь довольно большие отряды, прячутся по лесам, жгут колхозы и громят советские учреждения. В Трипольи возле Киева повстанцы уничтожили коммунистов и об'явили, что не признают большевицких законов; своею властью признали Украинскую национальную Раду. Большие повстанческие отряды доходили даже до Харькова. Большевики двинули большие силы для ликвидации восстания.

Вот так истязаются и борются свободолюбивые народы бывш. Российской империи за свою свободу. Революция продолжается. Рано или поздно, а она должна окончится — освобождением народов.

Др. **Эренджен Хара-Даван.**

Религия в быте народов Запада и Востока.

(*Окончание*).

III.

Культура Азии — это религиозная, духовная культура, главным образом, Буддизма с Конфуцианством, а затем Магометанства. Буддизм об'единил все разрозненные народности Азии в одну азиатскую культуру. Сперва сблизил два великих и древнейших культурных центра: Индию и Китай, затем перебрасывается в Тибет (407 год), Японию (552 г.), Индокитай и Монголию (1240), при чем, в отличии от Христианства, Буддизм распространяется совершенно мирным путем, без „крестовых походов и священных войн". Столь быстрому распространению Буддизма способствовал мудрый Индусский царь Осока, стремившийся, чтобы эта религия овладела всем человечеством. Первые Буддийские миссионеры, проникли в Китай в 217 году до Рождества Христова, но Буддизм стал общей религией Китая только 300 лет спустя, в 65 году по Р. Х.

Успеху Буддизма способствовали следующие его особенности, вложенные мастерской рукой его творца, — дух свободомыслия и абсолютная терпимость, характеризующие как появление, так и распространение Буддизма и дающие возможность воспринимать ценные идеи всех вероучений, с каковыми приходил он в соприкосновение, и входил в компромиссы с какими угодно народными верованиями; основанные же им церкви держатся тысячелетиями, никогда не преследуя дисидента.

Буддист с малых лет от родителей и окружающей среды воспринимает религию и она становится постепенно „подсознательной духовной основой его жизни", так что заветы Будды исполняются народной массой не как подвиг, не из боязни кары Божьей — „ада нет в понятии буддистов", — или сознательно подчиняясь требованиям религии, а благодаря неосознанному и неформулированному „категорическому императиву" религий, проведенному в повседневный быт через подсознательную его психику. Это равно относится и к магометанству. Иллюстрирую это положение несколькими конкретными явлениями из жизни народов востока.

Южный Буддизм запрещает употребление в пищу мясо домашних животных ввиду того, что в жарком климате мясо быстро разлагается и образуются птомаины — мясной яд. Во время голода в Индии мы видим вымершими целые селения, а их скот без призора хозяина остается, тогда как в Советской России во время голода, по некоторым сведениям, ели ...людей. Магомет был великим гигиенистом и он провел через религию в быт много полезных мер, исполняемых и теперь в массе народной. Запрет свиного мяса об'ясняется зараженностью в жарком климате свиней особыми глистами — трихины, опасными для жизни человека. О целесообразности алкогольных напитков, в особенности в жарких странах, нечего пояснять. Мы видим, как трудна и как дорога пропаганда против алкоголизма в Европе, и все же безуспешна, в сравнении с мусульманским миром. Обряд обрезания по статистике Петербургского гарнизона дает на 50% меньше венерических заболеваний у солдат мусульман, чем у солдат остальных вероисповеданий.

Православные посты очень целесообразны с медицинской точки зрения, в особенности для богатых людей, которые как раз менее всех исполняют их. Они „передают", питаются обильно мясной пищей отчего зависит „нарушение обмена веществ", являющееся благоприятной почвой для многих болезней.

Этой гигиенической меры нельзя провести в народную массу никакой пропагандой, школой и законами так успешно, как провели великие учители жизни — Христос, Будда и Магомет.

Заповеди „не кради" имеются в религиях как Востока так и запада, но, несмотря на это и на строжайшие законы, полицию и крепкие замки, все европейские суды завалены работой, а тюрьмы переполнены ворами, исключая Скандинавские страны, в то время как на востоке воровство бывает много реже, а у монголов и калмыков кибитки нигде не имеют замков. Простая деревянная задвижка снаружи свидетельствует, что в доме никого нет и никто не вздумает войти и взять что-либо. Кража вещей или грабеж — исключительная редкость, потому даже золото хранят в подушках, в постели. Как у скотоводов, у них развито конокрадство, что считается скорей удальством, чем обычной кражей в понятии европейцев. В Японии, например, магазины оставляются открытыми во время обеденного перерыва, о чем с удивлением рассказывали наши пленные после Русско-Японской войны.

Заповедь „не убий" также имеется в Христианстве, на Западе, и в Буддизме, на Востоке, но в быту у народов осуществляется по разному. В мирной жизни уголовных преступлений с убийством больше на Западе, чем на Востоке. Кто жил среди народов Востока, тому было легко заметить эту разницу.

История Запада — это история войн между собой, а краткие интервалы между собой — суть приготовление к следующим войнам, потому военные пользуются почетом и уважением. Восток же не знает таких частых войн международных. Поднятые 700 лет тому назад Чингис-Ханом великие войны постепенно улеглись под этическим влиянием Буддизма. Внук Чингис-Хана Хубилай-Хан величайшей в мировой истории Монгольской империи принял Буддизм в толковании Зонкавы т. е. Ламаизм*).

Когда все буддисты приняли Буддизм, оставив Шаманизм, тогда как раз начинается падение военной мощи монголов и распад их империи.

Одной из главных причин этого нужно видеть во влиянии буддизма на монголов, воинственный пыл которых заменился религиозным пафосом, в результате чего теперь Монголия без преувеличения представляет страну монастырей. 45% мужского населения Монголии — монахи**).

Так Монголия, бывшая некогда военным лагерем, владевшая $^4/_5$ старого света, теперь стала монастырем. Вместо топота коней и звона кривых сабель, там теперь слышется благоговейное причитание молитвы: „О Мани Балме-Хом“, — да будет благоденствие всему живущему в мире.

Под пацифистическим влиянием Буддизма в Азии военная профессия считается одной из немногих „неприличных“ профессий; туда идет (по найму) элемент преступный и отчаянный, у которого нет Бога в душе, кроме высшего командного состава, который через них преследует свои особые или национальные цели.

И Христианство, последовательно проведенное в быт, должно было дать подобные же результаты в Европе. И оно запрещает убивать, безразлично враг он или нет, и его заповедь „люби ближнего, как самого себя“ аналогично буддийскму „да будет благоденствие всему живущему в мире“.

Разве не искажение учения Христа в быте, когда во время войны православные прибегают: „За веру!“ Когда молятся в церквах о подавлении врагов, о даровании „Христолюбивому воинству“, и даже бывали случаи, например, в Русско-Японскую войну, шествия священников с крестом в руке, идущих в атаку на неприятеля. Это скорее похоже на исполнение учения Магомета — „Око за око, зуб за зуб“, что более соответствует быту Европы, чем учение Христа: „Люби ближнего, как самого себя“.

Остановимся несколько подробнее на „бытовом исповедничестве“ Конфуцианства в течение тысячи лет более чем 400 милл. Китайским народом, чтобы познакомиться с духовной культурой Азии, узнать в чем ее сила и почему она так устойчива***).

Конфуционизм в быте — это единственное величайшее историческое явление такого строгого проведения в быт в грандиозном масштабе и со времен глубокой древности, одного учения, непретендующего называться религией.

Когда Северный буддизм в 65 году стал официальной религией Китая, то он шел в разрез со старой Китайской культурой. Только благодаря беспримерной способности к ассимиляции, Буддизм так слился с Китайскими мировоззрениями, что весь Китайский народ был увлечен буддийскими идеями. Китайцы сами говорят: „Три учения: Конфуцизм, Тоацизм и Буддизм — одно учение, дополняющие друг друга“. В то время как Конфуцианство учило как надо жить на земле и управлять государством, Буддизм явился его продолжением и учил, как избавиться от страданий и указывал пути избавления от них. Правила жизни Конфуция, жившего пять веков до Рождества Христова, глубоко реальны и проведены в быт 400 милл. китайского народа, хотя он не был пророком, а его учение не было религией. Мало того, он не создал ничего нового, он только собрал учения древних и передал потомству для проведения их в быт. „Когда не знаешь, что такое жизнь, — говорил он, — как знаешь, что такое смерть?“ „Чему может научить тот, кто не опирается на учения древних? Я передаю учения древних и не сочиняю ничего нового, и верю древним, и люблю их“.

На этих устоях древности стоит Китай и поныне, то пышно расцветая, то увядая, более четырех тысяч лет, не зная Европейских революций до 20 века. И эта завершившаяся революция не социальная, а национальная, социальные устои и быт в религии остаются те же и теперь. Социалист-революционер Сун-Ятесн заявлял: „Моей постоянной целью было восстановление старого Китая“.

Учение Конфуция глубоко мудро и реально, проникнуто глубоко моральным и религиозным чувством. Так оно отвечает душе Китайского народа, что с тех пор и поныне весь он живет его учением. Другие народы создали учения более высокие, но ни один народ так не слился со своим учением и не воплотил его в жизнь свою, как Китайский народ учение своего Конфуция.

В чем же мудрость Конфуция и святых мужей древности? Они учат: мир един и целостен. Тао основа мира. Тао божественный разум, управляющий миром, вечный порядок мира и мирное его течение. Тао являет себя в смене времен. Путь мира — праведная середина. Смысл мира — вечная гармония. Государство — форма человечества. Вести государство могут только совершенные люди. Земля подчиняется небу, а государство управляется небесной волей, возвещаемой через избранников, сына неба, сидящего на троне, называемого также Богдо-Ханом, ему поклоняются, как сыну неба. Начальник служит царю, как тень следует за телом. Подданные повинуются царским начальникам, как эхо отвечает голосу, но в лице нет выражения величия и силы, а смирение и терпеливость. Сознание безграничной власти подавляется сознанием безмерной ответственности, а ответственность его велика, он должен осуществить Тао неба на земле, должен управлять государством в созвучии с мировой гармонией, он должен вести людей к счастью и совершенству. Он боится нарушить Тао мира. Он говорит самоунижение: „Я последний из людей, я слабый, как малое дитя“, в противоположность гордым западным государям, заявляющим: „Государство — это я, воля государя — высший закон“ *).

Можно с уверенностью сказать, что отношения Китайского народа к своему Богдо-Хану остались таковыми же и по отношению к своему президенту республики теперь, так как она имеет глубокие корни в быте народа.

По Конфуцию задача мудрого управления государством заключается в том, чтобы народ без принуждения, по внутренней склонности подчинялся воле правителя, а это возможно, когда народ воспитан и дисциплинирован, правитель же морально совершенен, чтобы он мог любовью или примером указывать путь народу. Главная задача власти — не законодательство, суд и управление, как понимают в Европе, а молитвы и жертвоприношение, поучение и проповеди, церемонии, правила поведения и музыка.

Кодекс обязанностей личных, семейных, государственных известен каждому гражданину с малых лет, воспринявшему от родителей и окружающей его среды и он ему следует, как закону природы. „Ли“ — правила морали, доброго поведения, обряды, церемонии — вот главное в жизни даже простого китайца. Вежливость в обращении с людьми и гостеприимство — эти чисто восточные черты характера, вырабатываются этими правилами доброго поведения и проводятся в жизнь.

Эти черты находятся в подсознательном психическом мире каждого китайца, японца, монгола, индуса, даже свойственны дикарям, между тем, как в Европе этой черты вежливости и гостеприимства в народной массе, даже у „высококультурных“ народов нет, а в высших классах эта вежливость вырабатывается после долгого периода воспитания через посредство гувернанток, бон и школ. Только тогда европеец становит-

*) Далай Лама, подобно Папе, признается ламаитами наместником Будды на земле.

**) Женские монастыри не существуют.

***) Излагается по данным Бунакова: „Пути России“ и отчасти Гельвальда: „Средневековая культура Азии“.

*) Бунаков: „Пути России“.

ся культурным, вежливым и „воспитанным“ человеком. Гостеприимство же распространяется только на друзей и его приятелей и то стараются пригласить гостей не на дом, а в ресторан. В то время как в Европе нельзя сделать и шагу без денег в кармане, в Азии, например, в Монголии или у калмыков в Европе можно об'ехать всю страну без гроша в кармане вдоль и поперек, так как там сочтут за оскорбление, если европеец или вообще путник предложит деньги за ночлег и пищу. Никто там не откажет в ночлеге, потому там не существуют рестораны и гостинницы.

Когда правила поведения народом усвоены и применяются в жизни, когда добрые поучения — как жить — изучены народом, тогда он совершенен, а роль правителя и управление мало заметно. Поэтому „Ли“, проведенный в быт, орудие управления более тонкое, чем грубое орудие законов и наказаний. На Востоке жизнь утверждалась не правовыми нормами и уголовным кодексом, как на Западе, а священными книгами. Компромисс, середина, равновесие — пути Китайского управления.

„Если спросить европейского политика, можно ли на этих условиях мудрости построить большое благоустроенное государство, он, не колеблясь, ответит отрицательно, ибо знает „душу“ своего человека: „личный интерес“, любовь к себе, к материальным богатствам; он знает, что вне этой страсти, нельзя человека побудить к упорному и напряженному творчеству, он знает, что для того, чтобы эта страсть не перелила через край и не привела всех против всех, нужны плотины — право, законы конституции и сильная власть для охраны этих плотин. И он прав, ибо душа западного человека такова и с таковой душой иной государственности построить нельзя.“ (Бунаков: „Пути России“).

Западный человек, считающий себя носителем высшей общественной культуры, уверен, что его душа нормальна и ее черты свойственны всем, между тем, как он не знает „душу“ восточного человека и вообще человека, которая совершенно не похожа на его „душу“ и иначе построена. Он не знает Востока вообще и не понимает его культуры и государственности, потому Восток кажется Западу смешным и таинственным призраком.

В то время, как социальное здание Европы построено (даже при демократиях) пластами один под другим, китайский народ однослойный и эгалитарный, возглавляется он аристократией духа, его интеллигенцией, равной которой по духовной мощи и социальному значению не знает история. Китай управляется отбором лучших — этот правящий отбор — духовная ее аристократия. Она получается путем государственных экзаменов в знании наук и священных книг, — только немногие лучшие люди напряженной духовности, даровитости и таланты успешно кончают и они только имеют право быть министрами, генерал-губернаторами и на прочих высоких должностях государства, так как священные книги учат, как управлять государством. Только такие ученые имеют доступ на высшие должности в государстве и тем самым на высшую оплату их труда.

В Европе высшие места получают главари политических партий, партийный билет заменяет все и ученость и квалификацию. А ученые в Европе „голодают“, не находя применения своему труду, который в лучшем случае низко ценится. Китай единственное государство, где ученые ценятся так высоко и их труд оплачивается так щедро, как нигде на свете. Громадная масса не выдержавших экзаменов заполняет должности в самоуправных, частных учреждениях, ряды своеобразных профессий и рядовой интеллигенции. На здании академии в Пекине написано: „Здесь научаются управлять государством“. Цель этой школы — достичь совершенства, стать „высшим, благородным, царственным человеком“. Китайская интеллигенция действительно ведет свой народ к достижению неосознанных и неоформленных массой народной целей и задач, в то время, как западная демократия с ее парламентом находится на услужении прихотям толпы, ее корпуса „голосующих“, находящихся под командой и обработкой „штабов“ разных партий, почти всегда субсидируемых капиталистами.

И в самом деле, китайские ученые, „эти ходячие энциклопедии“, производят на европейцев впечатление самых культурных и совершенных людей в мире, а китайскому интеллигенту европейские образованные люди кажутся духовно незрелыми и нравственно мало воспитанными. Вот почему китайская интеллигенция, влюбленная в свое ученье, пользуется авторитетом, как ни одна интеллигенция в мире, а китайская бюрократия, составленная из верхов интеллигенции, из „отбора лучших“, несмотря на численно ничтожный состав и отсутствие аппарата принуждения, встречает со стороны населения безусловное подчинение и с легкостью, непостижимой для Запада, управляет 400 миллионным народом. Это — не европейское народоправство, а народоводительство, не их демократия, а демотия.

Из европейских учений только евразийцы впервые провозгласили эти принципы, освященные древней культурой востока. Практическая целесообразность их бесспорна, ибо из всех строений человечества, эти принципы оказались самыми долговечными и устойчивыми. Современный Запад устремлен вперед, окунается в неизвестное будущее, всегда потрясаемое революциями. Китай устремлен назад, упирается в ясное прошлое, — оттого он неизмеримо устойчивее Запада. Революции ему неизвестны (а теперь? ред.). Смуты, восстания, смены династий бывают, а порядок остается тот же.

Этот устойчивый и долговечный порядок в Китае создан великим устроителем человеческого общества Конфуцием. Успех его учения об'ясняется тем, что оно глубоко реально и создано большим знатоком человеческой души, т. е. учителем жизни. Конфуций не проповедывал возвышенные, но неисполнимые догмы религии: он не учит воздавать добром за зло, говоря: „если вы воздадите добром за зло, чем вы воздадите за добро? Надо воздавать справедливостью за зло и добром за добро“. Учение Конфуция отличается не только своей моральной высотой, но еще больше оно поражает своей практической мудростью и жизненным реализмом. Китайцы реалисты и практики.

Зачем провозглашать высокие истины, когда они не применимы в жизни? И как их применять в жизни, если они непонятны среднему человеку, из коего состоит народ?

Праведный путь для народа должен быть прост и легок, но зато обязателен, — к тому стремится китайская мудрость. „Любовь к ближнему“ трудна, непонятна и отвлеченна, но зато близка и реальна любовь к ближним по крови и жизни. Люби отца и мать — основная заповедь китайской морали. Следующая заповедь: Люби детей своих, братьев, друзей. Дальше — сыновняя и братская любовь распространяется на соседей сограждан и, в конечном стремлении, на все человечество.

Основное ядро Китая семья. Она связана нерасторжимыми узами. Она самое в себе маленькое государство. Если разрушится государство и его общественные связи, но если сохранится семья, Китай будет жив. Каждый китаец до 30 лет должен жениться, а девушка до 20 лет выйти замуж, иначе платит налог. Существует семейный суд. Судит глава семьи и семейный совет. Юрисдикция семьи почти неограничена. Самое большое преступление — сыновняя непочтительность.

Такова Азия, озаренная внутренним духовным сиянием и устремленная в высь, к вечному.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков заграницей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Вл. Куртин.

Крым -- Далмация.

Сан-Стефано.

Прошли через город. Вышли к морю. Показались ряды темных бараков. Это и был лагерь. После томительно долгой регистрации пошли искать место. Куда ни зайдешь — одно и тоже:

— Мы сами задыхаемся... куда-же еще вы лезете?!.

Наконец, устав до потери сознания, плюхнулся на покрытый жидкой грязью пол какого-то сарая. Заснул мгновенно и проснулся только тогда, когда мне кто-то наступил на руку „танком". Осмотрелся. В длинном сарае с разобранной крышей, находилось человек 250—300. И здесь, как и во всех лагерях, было смешение племен и народов, но преобладали калмыки.

Этот народ целиком не принял русский коммунизм и зато большевики так жестоко расправились с ними. В Манычском районе и в Ставропольской губернии калмык вырезывали, „уничтожали" целыми станицами. Как-то на Кубани один знакомый калмык говорил мне:

— Вам еще не так страшно попасть в плен к большевикам: вы можете переодется или просто сорвать погоны, вымазать грязью физиономию и уверять их, что вы самый правоверный русский коммунист, а вот нам, как ни гриммируйся, все видно, что калмык...

Утром нас опять регистрировали. На этот раз уже комендант барака, старенький действительный статский. Каждому выдали „личный номер". И с этого момента мы стали называться просто номерами.

В 9 часов утра на каждого выдали 150 грамм черного хлеба, 15 грамм мясных консервов, столько-же кокосового масла и немного сухих овощей. Это составляло нашу дневную порцию. Полученные продукты сдавали артельщику, который и кормил нас обедом, хотя и не очень вкусным, но совершенно удовлетворительным и в количестве достаточном, чтобы не умереть с голоду.

Лагерь находился за городом, на берегу Мраморного моря, и состоял из 3—4 десятков деревянных бараков и 100—150 палаток. Весь лагерь был обнесен колючей проволокой в несколько рядов, но французам этого казалось недостаточным и они оплетали нас еще новыми рядами. С моря лагерь охранялся частыми постами. Убежать из этого лагеря казалось невозможным, а все-ж каждую ночь исчезало по несколько „номеров".

Раненые и больные, а также инвалиды помещались в отдельном деревянном бараке, где были даже койки. За больными ухаживали сестры милосердия русского Красного Креста.

Жутко было заходить в эти бараки, особенно по утрам, когда инвалиды одевались. Я не мог равнодушно видеть, как они прикрепляли руки, привинчивали ноги... и все. молодежь... И все это оказалось напрасным...

Режим в лагере был суровый. Беженцев наряжали на самые грязные работы. Не принимались во внимание ни чины, ни звания, ни возраст.

— Такой-то номер — на уборку свалок!

— Такой-то — засыпать отхожие ровики!

И часто номером, назначенным засыпать ровики, оказывались старые заслуженные генералы. Все работы производились под наблюдением чернокожих. Обращались они с „беженцами" невероятно грубо, жестоко. Французские солдаты приставали к женщинам с гнустными предложениями. Совершенно открыто, не стесняясь ни в выражениях, ни в местах. На этой почве происходили кровавые драки, оканчивавшиеся всегда печально для вступившегося за женщину. Француз был всегда прав. Хотя бы он открыто пытался насиловать жену или сестру какого „беженца".

За проволоку не выпускали. К нам пропускали только иезуитов да представителей местных благотворительных обществ. Турок не подпускали и близко к проволоке. Вообще французы почему-то не позволяли нам говорить с турками.

Население Сан-Стефано (по преимуществу греческое) относилось к нам очень хорошо. Присылали нам хлеб, сахар, кофе, белье и т. п.

Здесь в первый раз по выезде из Феодосии прочитал русские газеты: „Pres du Soire" Суворина и „Общее Дело" Бурцева. Оне были полны описаний террора в Крыму.

15-XII в лагерь прибыла комиссия для переосвидетельствования всех военнообязанных „на предмет отправки по своим частям". „Предмет" этот никому особенно не нравился и лагерь переполошился. Особенно это встревожило семейных, которым в случае признания их „годными" — (к чему?) нужно было оставить жену и детей на попечение негров и французских сержантов, а самому ехать на Галлиполи или Лемнос, делать там веселое лицо, лихо козырять и шагать, шагать...

В первую-же ночь из лагеря убежало около 30 человек.

Комиссия, как это было и на Лемносе, руководилась новыми правилами определения „годности". Старые документы не признавались.

Но, этой комиссии не суждено было переосвидетельствовать всех „военно-обязанных". Неожиданно получилось распоряжение:

— Всем русским, желающим поселиться в Сербии, выходить за ворота.

Я достал паспорт на имя участкового начальника Касперовича и, спрятав „кубанку" и бурку, оказался за воротами лагеря.

Вечером большинство „беженцев" этого лагеря были уже на „Brisgaviji".

Бриссавия.

„Бриссавия" была той новой плавучей тюрьмой, в которой я просидел 16 дней. „Бриссавия" стояла далеко на рейде. „Беженцев" подвозили к ней на катерах и баржах. На берегу нам какие-то дамы англичанки раздавали белый хлеб.

Погрузка шла медленно. Убогая костыльная и сановная Русь бесконечной вереницей ползла по трапу на пароход, где стояли веселые французы, безудержно смеявшиеся всякий раз, как в воду булькали чьи-нибудь последние вещишки. Они искренно забавлялись „комическим" видом „беженцев", тоскливо смотревших на медленно погружавшиеся мешки или ящики.

Всех „беженцев" разбивали на группы по 20 человек в каждой. Приняли 320 групп. Таким образом на пароходе оказалось 6400 человек, „желающих расселиться по Сербии".

17 декабря 1920 года „Brisgavia" стала на якоре в Боке Которской (Катарро), против маленького городка Ерцег-Новы.

Затарахтела лебедка, сердито зарычала якорная цепь, забурлили желтые волны, поплыли широкие круги, а на мачте взвился желтый флаг, означавший, что на пароходе находятся люди, высаживать которых можно только в больницы.

Начался карантин.

Тифозных среди нас было много еще в лагере Сан-Стефано, а здесь, когда нас на пароходе было больше, чем сельдей в бочке, вши распространяли тиф еще быстрее.

Я находился в самом нижнем трюме, где проходил гребной вал. В трюме была насыпана огромная куча земли для балласта и было сыро и темно как в глубоком колодезе. В этом трюме помещалось около 800 человек. Мизерный с самого начала паек неуклонно уменьшался. От голода у меня распухли десны, зубы шатались так, что их легко было повыдергивать все, а к нёбу было больно дотронуться языком. В ушах звенело, стонало. От сырости начались жесточайшие ревматические боли. Обессилел я страшно. Требовалось огромное напряжение воли, чтобы подняться и вылезть на палубу. Иногда у меня „отнимались" то руки, то

ноги. Особенно правая нога, контуженная на австрийском фронте.

Большинство офицеров на будущее смотрели мрачно. На скорое возвращение домой не надеялись. Чувствовалось, что мы на долго застряли заграницей, что дело вооруженной борьбы если и не совсем оставлено, то отложено на очень и очень отдаленное будущее. Терзались за свои ошибки; загадывали, как было-бы, если бы дело повели иные, если-бы во главе „белого" движения стояли другие лица... Мучило сознание своего полного бессилия что-либо сделать для своих родных, оставшихся в плену у большевиков. Все кончено. Все сгинуло в кровавом вихре новой эры великодержавной России. Мы — жертвы нового „собирания" России. — Там ужас чрезвычайки, — здесь — тиф, голод, бесприютность...

Лежим, думаем, думаем... Но вот кто-нибудь затягивает „карантинную", сложенную здесь-же в трюме:

— Я песни буду петь вам не веселые:
Иных я песен не пою —
Как красно-белые-зеленые
Сгубили родину мою!..

И все население трюма, еще неокостеневшее от голода и болезни, подхватывает:

— Ах, бантики (социалисты) все это, бантики!..
Всему виною, господа.
Погибло все, что дорогое,
И не вернется никогда!..

И до ужаса ясно чувствуется правда этого мертвого слово: никогда. И у многих, многих на глазах слезы.

Загораются страстные споры. Рассказываются трагические подробности отступления, сообщаются леденящие душу подробности зверств коммунистов и опять кто нибудь прерывает:

Мы родину оставили кретинам
С звездой жидовской на груди,
А сами ждем по карантинам
Бесславной смерти впереди...

Споры прекращаются. Песня об'единила всех. Потом опять лежим молча и слушаем надрывное завыванье сирены, как-бы взывающей к самому небу, чтобы нас выпустили из этого страшного трюма.

Часто вспыхивали ссоры и так сказать „национального" характера. Особенно доставалось нам, казакам кубанцам, и — калмыкам. Нас „Россия" ненавидела, а калмыков презирала. За что? Ах, не все ли равно. За что? Считали нас, кубанцев, причиною неудавшегося „освобождения" Москвы.

Каждый вечер распространялся слух, что выгрузка начнется завтра. Каждое „завтра" ожидалось с мучительным нетерпением, но проходил день, наступал вечер, а с ним снова слух, что выгрузка начнется „завтра".

Нервы взвинчены до крайности. Тиф и цынга захватывают все новые и новые жертвы. Песен уж не слыхать. Трюмы все чаще и чаще оглашаются рыданиями и истерическими воплями женщин... А сирена все зовет, зовет... Но — на берегу не спешат: лучше пусть погибнут все 6400 чужих, чем от них заразится один свой...

Я с приятелями „дежурю" у дверей кухни. Ожидаем, когда начнут подметать. Тогда мы бросаемся к порогу и сгребаем пыль и сор, в котором есть и крошки хлеба... Смастерили удочку и вылавливаем из моря гнилой хлеб, выброшенный французами...

Протоиерей Востоков день и ночь служит моления, и проповедывает:

Молитесь, православные...

И сотни мужчин и женщин на коленях или павши ниц слушают — панихиду по живым...

Наступали рождественские праздники. Стоящие не далеко от нас американские миноносцы украсились зеленью, на палубе целый лес елок. Готовится к празднику и команда нашего парохода. А мы, грязной мрачной толпой сбившись на палубе, смотрим на эти приготовления, а в душе поднимается бешеная злоба против всех, кто отнял у нас не только праздники, но и скромные, тихие будни.

Стояли тихие, теплые, чисто весенние дни. Которская бухта похожа на большое горное озеро, в котором, как в зеркале, отражаются прибрежные горы с гордым Ловгеном поодаль. По склонам гор расбросаны темно-зеленые купы маслин. Внизу, у самой воды, под тенью раскидистых пальм белеют кокетливые дачи. Вверху сияет горячее южное солнце, льющее всем тепло и ласку, освещающее радостью все живое и оживляющее мертвое — и только в наши трюмы не проникает ни одного светлого, живительного луча и только нас оно оживить уже не может. Для нас:

— Погибло все, что дорогое,
И не вернется никогда...

Никакое описание не даст более или менее ясного представления о том, как невыносимо тяжки были эти „дни нашей жизни", дни карантина. Не говорю о муках голода, о вопиющей грязи, в которой мы лежали, о том зловонном воздухе, которым мы дышали, о вшах, которые с'едали нас живыми. Несравненно сильнее мучило сознание, что нас приравняли к скоту, да еще к тому же, бесполезному для человека. Скот в чумных дворах содержится в лучших гигиенических условиях, чем содержались мы на пароходе. Мы знали, что при такой скученности, грязи, при таком невероятном количестве вшей на пароходе — тиф прекратится только тогда, когда последнего из нас выбросят за борт. Этот бесчеловечный карантин был — карантин на истребление.

С каждым днем больных становилось больше, а изолировать их было некуда. Из нашего трюма французы вытащили одного старика только тогда, когда от него пошла нестерпимая вонь.

Так жили мы день за днем, ожидая выгрузки. Измотавшиеся с нами французы рассылали во все концы Европы и Америки телеграммы с мольбами очистить пароход от $6^1/_2$ тысяч больных, доведенных до отчаянья людей, приведших в негодность и самый пароход... Пароходные сирены голосили день и ночь... но на берегу не спешили... И такая безысходная тоска охватывала душу, что хотелось уже не конца карантина, а вообще — конца...

Дом, родные — все это вспоминалось как давний сон, было где-то делеко-далеко позади... Мы как будто находились по ту сторону роковой грани, откуда к жизни возврата уж нет...

Если день выдавался солнечным, — „здоровое" население трюмов вылезало на палубу и занималось истреблением вшей. Женщины, не стесняясь мужчин, занимались тем-же. Если шел дождь — трюмы уплотнялись палубными жильцами, люки закупоривались и тогда в трюмах была кромешная тьма, полная стонов, проклятий и истерических воплей женщин. Тогда пароход походил на доисторическое водяное чудовище, а мы — черви, копошащиеся в его утробе.

В 12 часов дня сверху кричали: — Сто пятнадцатая, за обедом! — Сто сорок третья!.. И т. д.

При первых-же окриках население трюмов как-будто просыпалось, начиналась суетня, брань, крики... все, что еще могло двигаться, поднималось... бегут в „очередь". Достают ложки, баночки, черепки и т. п. Приносят обед. Обычно фасоль или чечевицу.

Все двадцать человек, точно двадцать голодных волков, усаживаются вокруг котелка. Каждый из них с'ел-бы в пять, в шесть раз больше, чем имеется на всех. Выбирается раздатчик. Жадными, подозрительными глазами следят, как он раздает похлебку. И, Боже сохрани, если он в чью либо кружку вольет похлебки больше, чем другому! Тогда поднимается страшный галдеж. Из всех посудин похлебка опять выливается в чашку, выбирается новый раздатчик и дележ начинается снова. Крохотный кусочек мяса делится на поистине микроскопические частицы. Проглотив похлебку, более сильные бегут за „добавком". Здесь почти ежедневно дележ „добавка" оканчивается для многих „добавком" по голове...

Наконец, началась выгрузка. Для выгрузки все беженцы были поделены на группы, по 50 человек в каждой. Предполагалось, что такими группами мы будем расселены по Сербии. Я попал в 97 группу. В первый день было высажено три первых группы. Значит, думал я, если каждый день будут выгружать по 150 человек, то до меня дойдет очередь на 32-ой день.

А тогда меня уж не нужно будет „выгружать", а просто — выбросить за борт... Совсем пал духом. Забрался в свой трюм и улегся на железной балке, скрепляющей шпангоуты (это место я выбрал как более безопасное от чужих вшей). Так пролежал два дня. Ни с кем не разговаривая, ни о чем не думая. А с'ел за эти два дня лишь две галеты, что мне украл юнкер у одного спекулянта (были они и здесь). Состояние, в котором я тогда находился, было похоже на сон, но я не спал: ни днем, ни ночью. Я слышал все, что происходило в трюме. Я видел, как французы вилами тащили труп старика. Старик был в желтой краской окрашеной шубе.

— Наверное из Успенской станицы, подумал я.

Около полудня (не помню какого числа) слышу:

— Кубанцы, наверх! Катер за вами подошел!..

Вместе с воскресшими из полумертвого состояния другими казаками выскочил на палубу и через пять минут был уже на катере, а еще через час вышел на берег около старой австрийской крепости на узком полуострове, отделяющем бухту от моря.

Остро.

На маленькой пристаньке нас встретили кубанцы, высаженные сюда с парохода „Австрия". Начались расспросы: где жил, как жил, что ел, каким тифом болел и болен сейчас...

Я сильно обрадовался: куда ни гляну — знакомые лица, станичники, сослуживцы. Узнал, что здесь лагерь не обнесен колючей проволокой и что никому не возбраняется гулять по всему полуострову.

Рассказывая друг другу о своих мытарствах, мы поднимались от пристани на гору. Тропинка вела между густыми зарослями южного дуба, буксуса, алоэ и неизвестного мне кустарника, с твердыми белыми цветами, удивительно похожими на серебряные колокольчики. Этого кустарника было особенно много. В густой, высокой траве гудели пчелы, ползали жучки. Похоже на нашу весну в полном разгаре и не верилось, что через 3—4 дня и наше православное Рождество.

Крепость, в которой размещены кубанцы — огромное сооружение из камня и бетона, занимающее мыс полуострова. С суши ограждено широким рвом с перекинутым через него цепным мостом. Когда мы вошли в коридор и за нами захлопнулись массивные чугунные ворота, меня обдала знакомая трюмная сырость. Спотыкаясь в темноте о лежащих на полу казаков, прошли несколько коридоров. (Все двери в комнаты были заперты, а нам предоставили только коридоры крепости). Потом по винтовой лестнице начали спускаться вниз. Вышли опять в коридор, который находился уж ниже уровня моря. В этом коридоре поместили нас, новоприбывших. Расположились, конечно, на каменном полу, в два ряда: головами к стенам, ногами друг к другу.

В этой крепости мы должны были выдержать трехнедельный карантин, после которого, как говорилось, будем расселены по Сербии.

Здесь была настоящая Кубанская республика: Рада Краевая и Законодательная, члены правительства. Управлял кубанцами и вел переговоры с сербскими властями от имени кубанцев „совет пяти". Что это был за совет и из кого состоял не знаю.

Вырвавшись из страшных трюмов, очутившись на относительной свободе — отдыхал и физически и душевно, жил чисто животной жизнью, ничем кроме еды не интересуясь. Две трети кубанцев были больны возвратным тифом. Случаев сыпного тифа было мало. Медицинской помощи никакой. После, правда, был открыт лазарет, но казаки предпочитали болеть и умирать в казематах крепости, чем в том „лазарете".

Питались здесь гораздо лучше, чем в лагерях, не говоря уж о пароходах. Казаки — повара готовили отличный борщ и получали мы его в достаточном количестве. Получали даже чай и сахар.

Всех нас в крепости было около 800 человек, а вшей было не меньше, чем в Маль-Топе...

За краткое пребывание наше в крепости, в самой красивой части полуострова выросли ряды свежих могил. Маленькие холмики. Кресты из досточек, на которых химическим карандашем написано:

— Старший урядник С. М. станица А. N.

— Казак В. К., станицы N. и т. д.

Написал и я одному сотнику: — „Сотник К., ст. Сенгилеевской".

Пройдет десяток дней. Дожди смоют надписи. Могилы разравняют хорваты...

Весной здесь поднимется кукуруза...

Мы не выдержали предположенного трехнедельного карантина. Крепость понадобилась для новых беженцев, прибывающих из Константинополя.

17 января 1921 г. нас, выкупав предварительно в поезде-бане, посадили на небольшой пароход „Вал" и перевезли в Сплит, а оттуда железной дорогой в Синь. Из этого периода времени я уж ничего не помню: тиф делал свое дело. На „Вале" „уполномоченный по устройству русской эмиграции" г. Романов выдал каждому из нас по 400 динар.

В Сине начался новый карантин и продолжался $2^1/_2$ месяца.

Поплыли тусклые, бессодержательные дни. Лагерь окружили жандармы. Жили мы в длинных сырых бараках..

Стерлись все ранговые, сословные и имущественные перегородки. Жалкие, несколько раз дезинфекцированные лохмотья, скрыли под собою генералов, полковников, простых рядовых.

Все, без различия стали „беженцами". Притупились боли. Пала восприимчивость. Жили интересуясь только „порциями" и очередями. Спорили о лучшем месте, большем куске хлеба. Из-за ржавой жестянки, найденной где-нибудь в городских свалках, вступали в драки.

Карантинная стена скрыла от нас все, чем живет человек.

Нас приезжали смотреть американцы. Из города по воскресным дням к карантинной стене подходили местные жители...

Первое время это нас возмущало, раздражало. А потом — привыкли.

И еще недавно оскорбительное слово „бывший" стало обычным.

Мы все стали людьми — „бывшими..."

А. А. Гейман.

Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе.

(Окончание).

Таким образом я очутился один на небольшой труднодоступной лесной поляне, густо заросшей гигантскими папоротниками, скрывавшими конного человека. Мне устроили наскоро навес, а под ним помост. Меня обильно снабжали пищей и питьем, каждый день свежими. Но положение мое резко изменилось. До сих пор все еще была только разведка настроений и выжидание. Теперь предстояло перейти к действиям активным. Надо сейчас же принять решение и приступить к его выполнению немедленно.

Но с кем же и как, каким путем огласить и поднять казаков? Как об'явить о месте своего нахождения, без риска быть открытым? Погубишь себя, ничего не сделав, и подведешь многое множество людей. Мож-

но пробраться по станицам и тайком собирать казаков. Но это по непролазным дебрям очень уж медленно.

И я решился. Я написал лежа на груди приказ номер 1: Время пришло. Пора сбросить с себя иго большевиков настала. Но для этого надо соединиться всем казакам! (Писал я). За отсутствием какого либо законного начальства в М-ом отделе я принимаю на себя управление отделом и командование войсками в пределах его. Приказываю: всем верным мне казакам с оружием и патронами, а конным и на лошадях — собраться немедленно на Шеверевом хуторе, где и ожидать меня. Ко мне сейчас же прислать из станиц людей, знающих меня в лицо. Действовать осторожно, но решительно. С врагами нашего дела не церемониться. Родина да простит нам это.

На утро, когда мне принесли обед, я передал этот приказ казаку С. наказав ему переписать его в сотнях экземпляров и немедленно разослать его по станицам к верным людям для об'явления своим и рассылки дальше по станицам.

И я не ошибся. Уже через два дня я всего с одним казаком ст. Д. и прибывшим уже ко мне из М-па сыном 15-ти летним кадетом выехал в юрт ст. Д., где был хутор Шевырева. На его поляне я нашел уже до 700 вооруженных казаков. Оказалось, что приказ мой опередила молва о моем выезде в леса, и еще и до этого в мою „ставку“ по ночам заползали посланцы из станиц. Как они меня находили, знает один Бог казачий, да нюх наших горно-лесных казаков.

Не будет нескромно, если скажу, что моя фамилия в этой части Кубани весьма популярна, по имени моего деда, ген. лейт. Геймана, покорителя Западн. Кавказа. Еще сохранилось в живых много казаков стариков, служивших с ним в те времена. В отделе есть поляна Геймана, дорога его на Сухумский перевал и в Абхазию и даже одна из станиц в Отделе носит его имя. Я также хорошо известен между казаками этого отдела, т. к. до войны я служил во 2-ом Куб. пласт. баталионе, комплектуемом из этого отдела, а за войну последовательно командовал всеми тремя очередями этого отдела: 14-м, 8-м и 2-м баталионами. Сам я также казак этого отдела. Казаки мне поверили и стали собираться.

Я поздоровался с собравшимися казаками и сказал им приблизительно так: Ну, теперь нам никому назад не поворачивать. Большевики уже конечно знают, кто ко мне ушел, и, конечно, по головке за это не погладят. А надо стойко держаться начатого. Слушать одного меня, а я уже отвечу за вас перед Казачеством, если в чем погрешу. Я без вас, а вы без меня ничего не сделаете.

Отряд наростал с каждым днем, или лучше сказать — ночью, т. к. люди прибывали больше по ночам.

Надо было сначала вооружить людей и разогнать из станиц большевицкое начальство, а затем правильно наладить довольствие. Я по очереди окружал отдельные станицы и отбирал оружие у иногородних, а когда все комиссары и их приспешники бежали в М-оп, я приказал в станицах точно учесть число людей ушедших ко мне, и ежедневно присылать на них продовольствие. Всего было много кроме хлеба, которого в лесных станицах всегда мало. По взятии М-па хлебные низовые станицы К., Г., Д. и другие сами дали мне несколько тысяч пудов муки, которые я и отослал в горные станицы.

Отряд не имел только офицеров. Был с самого начала сотник Фендриков, но вскоре был убит на разведке, когда он остановил линейку с большевицкими комиссарами ночью на дороге из станицы Курджинской в станицу Дагестанскую и стал, нагнувшись с коня, их обыскивать. Вскоре, пробившись через широкий кордон большевиков с 50 конными казаками станицы К. через лесную чащу, наколов многим лошадям глаза, пробрался ко мне есаул Кротов. Необходимо отметить, что станица Тульская, ближайшая к Майкопу и расположенная на равнине, в это время, под начальством полковника Налетова и есаула Тураева, сама вела упорную борьбу с большевиками, как со стороны Майкопа так и у себя внутри с иногородними, а я еще не мог оказать им никакой поддержки, хотя уже и держал с ней связь. Подхорунжий этой ст. Иван Титович Галетин, служивший старшим лесным об'езчиком Верхней — Белореченской лесной дачи, также вместе с своими и еще другими четырьмя лесничими дач: Махошевской, Царской и Нижней Белореченской, предприняли об'езд и проверку погомственных казачьих наделов в горные части отдела и сильно меня рекламировали. В ст. Г. и К., низовых и равнинных, также собрались конные отряды до 300 коней каждый, но большевики во время об этом узнали и ко мне не пропустили.

Из станицы К. с большим риском все же ко мне пробрались 5—6 стариков во главе с вахмистром артиллерии Даниловым, бывшим долгое время атаманом станицы. Человек этот оказал мне большие услуги, так как я поручил ему ведение всей отчетности продовольствия, доставляемого в отряд, а после и в составе комиссии по составлению описи и хранению всего захваченного в Майкопе имущества у большевиков. Все это после прибытия атамана отдела в освобожденный мною Майкоп, вместе с описями было сдано ему. Прочие старики составили мою личную охрану и с винтовками в руках даже ночью, когда я спал, меня охраняли, стоя попарно надо мной.

Я вошел в связь с начальником Грузинского отряда ген. Мазниевым, стоявшим в Туапсе, и командиром 8-ого пластунского баталиона полковником Колесниковым, составившим свой баталион из казаков Майкопского отдела, бежавших в Туапсе от большевицкой мобилизации. От Мазниева я получил 150 винтовок и два пулемета Максима и 45 тысяч патронов, а второму написал, чтобы он немедленно шел ко мне на присоединение. Он вошел целиком в мою бригаду уже после очищения Майкопа. У него оказалось много офицеров и даже военных врачей.

Еще раньше из Туапсе пришли ко мне попавших в Армению 10 офицеров, во главе с полковником Ефремовым. Офицеры были весьма дельные, но между ними был только один казак Константин Несмашный и казаки сначала отнеслись к ним весьма недоверчиво. Понадобился весь мой авторитет, чтобы они их приняли как начальников. Есаулы Томилин и Пугачов и сейчас в Сербии.

Дело пошло на лад и я пододвинулся и навис над Майкопом. Большевики были в панике. На ночь весь гарнизон был у них под ружьем. Между прочим, я получил письмо от жены из М-опа, где она весьма спокойно писала мне, что ее не трогают и чтобы я оставил свою затею и вернулся в М-оп, что большевики обещают мне высокий пост и т. д. Это письмо продиктовали ей комиссары, а принес его мне лично знакомый офицер, который остался у меня до конца, боясь возвращаться в М-оп. Вскоре я узнал о движении по горной полосе добровольцев. Моя разведка столкнулась с ними в ст. Казанской. Моих узнали по белой ленте на папахах с надписью „Гейматовцы“. А у добровольцев были тоже казаки и даже много нашего отдела. Я послал к Покровскому Данилова для связи и осведомления о моем намерении взять на этих днях М-оп, но просил дать мне две пушки. Покровский прислал мне два орудия и 300 патронов к ним. Его движение и мое наседание на М-оп заставили большевиков уходить и однажды ночью я получил донесение от разведчиков, что они перешли уже р. Белую. Я приказал всем двигаться в М-оп. Покровского сильно задержал 5-ти тысячный отряд большевиков, двигавшихся в это время из Туапсе на ст. Апшеронскую в моем районе, но наткнувшись на моих партизан, отряд этот свернул на ст. Пшехскую, наткнулся на Покровского и уже через ст. Келермесскую на Дондуковскую — сильно пощипанный Покровским и, отдав на хуторе Кубанском 150 повозок с женщинами и детьми и награбленным добром моим партизанам, все же ушел на Лабу. Это была часть сил большевиков, бежавших по берегу Черного моря до Туапсе, где их заставил повернуть на Майкоп ген. Мазниев с грузинами.

В тот же день я лично в'ехал в город. Я еще раньше послал в город прокламацию к жителям, где писал, что я никого не буду трогать, кроме главарей большевицких, и чтобы город не оказывал мне при взятии его никакого сопротивления, так как я сам Майкопец, имею свой дом и там же семья моя. Весь город собрался меня встречать на улице, где идет главный в'езд из за

речки Белой, но я, проехав мост, повернул в другую улицу и поехал домой к семье.

Семью мою Майкопцы спрятали каждого порознь и я их никого в доме не застал; все же имущество в доме до чайной ложки и детской рубашки было разграблено. В тот же день в город со стороны стан. Ханской вошел один казачий полк полковника Малевского. Вот и все.

Я опустил множество случаев, иногда комичных, иногда и жутких, вроде описанного в „Вольном Казачестве“ № 48: „Героическая девушка“. Или как я один на один, уйдя украдкой от своего отряда ночью на мельницу Гыкачева близ стан. Курджинской, подслушивал совещание большевицких воевод*) одного из М-опа, а другого из ст. Нефтяной, где он командовал баталионом, в тылу у меня, а через два дня есаул Кротов со своими 50 конными казаками выгнал его оттуда. И многое другое. Однако, скажу, что часто вещи кажутся большими до тех пор, пока к ним не подойдешь близко.

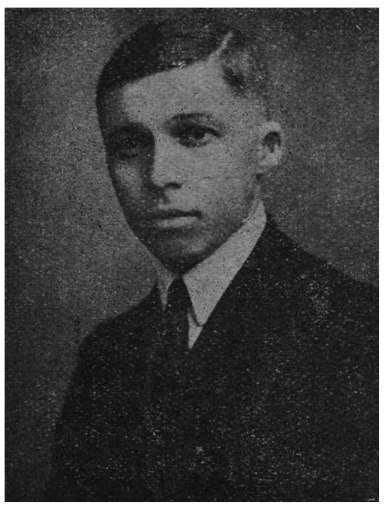
*) Это так рассказывали казаки, в сущности дело было совсем не так страшно а гораздо проще.

И. Билый.

М. Ф. Фролов.

10 прошлого июля в Литомышле, в ЧСР, по пути к могиле своего отца, умер Михаил Федорович Фролов. Всего навсего в возрасте 33 лет туберкулез свел в могилу подававшего когда то такие большие надежды молодого казака-самостийника.

В этих немногих словах мне хочется вспомнить покойного, в 23 года уже есаула — весьма способного командира казачьего конного отряда на Украинском фронте в 1920 году, оказавшегося потом весьма недурным и в молодой казачьей журналистике заметным публицистом. Действительно была в нем искра Божия, залитая, к величайшему нашему сожалению, тоже своего рода болезнью, жертвами которой являются в трудные времена обыкновенно люди со слабой волей.

† *М. Ф. ФРОЛОВ.*

Мы достаточно много работали (в эмиграции) вместе с покойным М. Ф. К сожалению, (как это часто бывает в таких случаях), я имею весьма смутное представление о биографии одного из своих ближайших сотоварищей по прежней работе, а после и соредактора (вначале) „В. К.“. Знаю только, что он казак станицы Новочеркасской Дон. В. сын директора гимназии, со школьной скамьи попавший непосредственно в военную школу. Михаил Федорович — „степняк“, т. е. участник степного похода весны 1918 года. Потом — война с большевиками и — эмиграция.

Первый раз мы встретились с М. Ф. Фроловым осенью 1920 года в Черном Острове, на Украинском фронте, в месте расположения отряда Яковлева. Уже в ставке Украинского Командарма я много слышал перед тем о боевой „работе“ талантливого партизана, молодого донского казака Фролова, который, будучи на крайнем левом фланге „вооруженных сил Юга России“, при отступлении зимою 1920 г. был (в составе других частей) оттеснен на правый берег Днепра и далее к польским границам. Не пожелав интернироваться, молодой донской есаул со своим отрядом переходит в состав Украинской Армии и продолжает борьбу.

Миссия Кубанского Пр-ва имела тогда специальные поручения и намерения относительно казачьих частей и вообще казачьих вооруженных сил на Польско-Украинском фронте. Во исполнение этой задачи надо было прежде всего узнать — где тогда были казаки, установить с ними связь и изучить их положение. Договорившись и уговорившись в ставке Укр. Армии, я отправился по фронту.

Помню, как сейчас, утро в Черном Острове. Штаб отряда Яковлева. Во время разговора с Яковлевым, ему докладывают, что „приехал полковник Фролов“.

Немедленно входит весьма оживленный, весьма подвижной юноша в кубанке, которому я тогда не дал бы больше 17 лет (на самом деле ему было 22—23 года). Яковлев — знакомит:

Посол Кубанского Пр-ва Член Рады...

— Полковник Фролов.

Протягиваю руку. Вместо того, чтобы подать руку, Фролов бросается сразу в об'ятия. Меня это в первый момент удивило.

— Вы весьма экспансивны! смеясь, бросаю я ему, отвечая об'ятием же.

— Казак с казаком может и так, отвечает Фролов.

Вечером того же дня, условившись с Фроловым обязательно посетить и его отряд, я уехал из Черного Острова.

Судьба судила иначе. Отряда Фролова я так и не успел посетить, ибо настала катастрофа Украинского фронта и отступление к польским границам.

С Михаилом Федоровичем мы встретились снова уже в Варшаве на положении эмигрантов. Он наезжал сначала в Варшаву в заботах о своем интернированном отряде, а потом и вообще остался там. Вскоре в Варшаву приехало „посольство“ от так наз. демократической группы Донского В. Круга из Болгарии, в составе:

заместителя председателя Круга полковника М. Н. Гнилорыбова и члена Круга г. Кременскова, вернувшегося потом в Болгарию.

Как то, само собой, образовался „неписанный казачий центр" в Варшаве, в котором весьма деятельное участие принял и М. Ф. Фролов.

В августе 1921 года мы начали издавать там еженедельную, с самостийнической программой газету „Голос Казачества" (я — редактор, М. Ф. секретарь). Жили мы тогда с ним в одной комнате, — она же и редакция, она же и приемная, она же и ночлежка в крайнем случае для казаков из провинции, на малую посещаемость которых редакции и „казачьего центра" мы не могли жаловаться.

Были мы тогда с М. Ф. весьма дружны, „блокируясь" нередко против иногда „легкомысленного", иногда „неуравновешенного" Гнилорыбова. А когда Гнилорыбова из Варшавы „уехали" в Прагу, мы остались вдвоем...

Кроме исполнения своих секретарских обязанностей, М. Ф. достаточно много писал. Писал политические статьи на „общие" темы, волновавшие тогда казаков; писал фельетоны, в прозе и в стихах. Вообще весьма недурно писавший стихи (довольно видную роль гимназического поэта играл М. Ф. в свои юношеские годы), М. Ф. очень неохотно предавался тогда этому виду творчества.

Если бы нужно было характеризовать покойного весьма кратко, то это был, пожалуй, ум более острый, чем глубокий. Вот почему его политические „фельетоны" были более удачны, чем его политические „рассуждения"... Поэтому же впоследствии, уже в „В. К." свое кратковременное сотрудничество Фролов ограничил несколькими именно такими „колючими" фельетонами.

Любимыми лейт-мотивами его статей того времени были: „За Дон и вольность!" или — „за казачество и вольность!"

То было время, когда противники казачьих политических стремлений слову „самостийник" старались придавать характер, не то „ругательный", не то „изменнический". К чести М. Ф. надо сказать, что он не прятался ни за какую ширму, правильно „классифицируя" и казачью программу и себя, как действительного самостийника.

Весьма общительный по характеру, М. Ф. был хорошим товарищем. Весьма живой и „темпераментный", он был нередко интересным собеседником.

М. Ф. Фролов был больше „порыв", чем „рассчет". И хотя он не хотел писать стихи, но по натуре он был скорее „темпераментным" поэтом, чем холодным и рассчетливым политиком... Для этого последнего у него не хватало, может быть, воли. Порывистый, — он мог увлекать, но, чтобы вести за собою, ему не хватало... все той же воли.

Как всякий недюжинный человек, М. Ф. имел приятелей, имел и противников. Но, вряд ли он имел врагов.

Он был слишком поэт, чтобы жить и „будничнo" ждать конца своей эмиграции. Но, ему не хватало упорства и настойчивости, чтобы при всех его способностях, бороться за свои идеалы до конца. Он их скорее исповедывал, чем к ним стремился.

Больше всего любил он Дон. Пусть же и донцы не забудут его...

Жизнь его сломила... Можем об этом искренно пожалеть... Умер он на чужбине, вдали от своей Родины — Дона. Но в истории настоящей казачьей эмиграции, мы уверены, будет отведена какая то страница и Михаилу Федоровичу ФРОЛОВУ.

Санжа Балыков.

Памяти командира.

29 июля ст. ст. 1920 года, близ Мелитополя, у подножья кургана Песчанского кладбища с щемящей сердечной болью похоронили мы его... Прошло с тех пор уже 10 лет. Существовал, кажется, писанный закон о „десятилетней давности" для прекращения расследований по совершенному преступлению, срок достаточный для забвения его и наряду с этим есть неписанный закон: сделанное человеком добро забывается гораздо скорее, а для памяти умершего срок этот еще меньше. Но во всех этих случаях есть исключения. Есть зло, которое не забывается, есть такое же добро и бывают люди, для памяти которых время долго остается бессильным. Люди, имена которых по истечении 10 лет после смерти все еще заставляют говорить о себе не только родных, но и друзей и знакомых, безусловно принадлежали к числу „незаурядных" личностей. Таков был и наш покойный командир Гаврил Эрдневич — полковник Тепкин. К 29 июля (по ст. ст.) 1930 года, к десятой годовщине его смерти, друзья и знакомые его, дружно, без уговору вспомнили о нем; мало этого, вспомнили о нем многие калмыцкие колонии и организации в эмиграции. Там служат в храме панихиду, здесь пишут о нем теплые воспоминания, там посвящают его памяти заседания...

О том, что он был любимым и достойным командиром Зюнгарского полка, что в 28 лет он побывал старшим ад'ютантом штаба дивизии, начальником штаба бригады, о том, что он всюду пользовался почтением и уважением окружающих, его характеристику, и как человека и как командира, я уже писал на страницах 1-го номера калмыцкого журнала „Улан Залат" и повторять все это считаю лишним.

На этот раз, как бывший ближайшим соратником в бытность его командиром нашего полка, я хочу попытаться найти и указать причину того, чем заслужил этот молодой, строгий и скромный полковник всеобщую любовь своих собратьев, что каждого из нас до сих пор заставляет произносить его имя с теплой лаской и говорить про смерть с неподдельной грустью. Ведь „безвременных" смертей в те годы среди калмыцкого народа было многое множество.

Трудна моя задача, ибо что можно сказать о человеке, умершем всего 29 лет от роду, при чем 6 из них проведшем в войнах, а до этого 9 лет учившемся?.. Ведь он действительно — „еще и не жил", не было ни времени ни условий для выявления и установления своего полного общественного веса. Однако и за этот короткий промежуток времени, он, без всяких для этого

усилий, успел сделать свое имя таким для своего народа, каким многие долго будут стараться сделать.

И вот вдумываясь более глубже, в одном еще я стал видеть причину всенародной любви к Тепкину. Кроме человека исключительной душевной чистоты и доброты, неизменно располагавшей к нему всех, кто близко с ним сталкивался, высокой порядочности и толковости, стяжавших к нему уважение и почтение окружавших, он сам того не ведая, был одним из живых факторов, способствовавших пробуждению национального самосознания, национального самолюбия калмыцкого народа.

† Полк. Г. Э. ТЕПКИН.

Когда впервые за 200 лет совместной жизни с Казачеством калмыки получили право на формирование своих двух полков, они испытали большое моральное удовлетворение. Если „Зюнгарский“ и 3-Донской Калмыцкий полки были наградой нам за то, что в труднейшие и безнадежные дни Казачества мы оказались на высоте требования рыцарской дружбы и неразрывного союза, если в этой награде Донское казачество проявило акт справедливости, что не могло быть проявлено в условиях его подневольного положения, то факт назначения калмыцкому полку командира калмыка явился вторым случаем проявления справедливости, второй наградой, по значению равной с первой.

Из этих двух фактов, для посторонних людей может быть и незначительных, калмыцкая народная масса увидела, что она не хуже чем всякая другая народная масса, что ее полки и сыны лучше многих других... Так просыпался в ней забитый национальный дух и отсюда уже понятна любовь народа к тем факторам, которые, впервые после долгого периода моральной подавленности, вызвали и пробудили в нем это высокое чувство. В этом отношении имя Тепкина имеет общенациональное значение.

Само собой разумеется, что общее к нему расположение и его соответствующие личные качества должны были выдвинуть его в будущем выше и дальше по общественной лестнице. Так, например, он был несомненным кандидатом на пост окружного Атамана своего Сальского округа, который, к слову сказать, несмотря на то, что почти исключительно состоял из калмыцких станиц, ни разу еще не имел атаманом калмыка. Нет сомнения, что при дальнейшем существовании самостоятельного Дона и этот пробел был бы заполнен и именно ни кем иным, как Гавриилом Эрдневичем Тепкиным. Но, Бог судил иначе... Выражаясь шаблонным языком — костлявая рука смерти беспощадно сорвала и этот юный цветок калмыцкой степи. Безвременно умер ясно намечавшийся национальный вождь, для каковой роли у него были все необходимые данные: ум, такт, честность и доброе сердце...

Мы — буддисты. Будем же верить, что в одном из своих перерождений Тепкин опять народится достойным сыном своего народа. Так должно быть, ибо за ним — несбывшаяся надежда и тоска его народа. Так должно быть, ибо за ним — несбывшаяся надежда и тоска его народа. В десятую годовщину его смерти мы помолимся о легчайших путях этих перерождений.

М. Мордвинцев.

К 10-тилетней годовщине смерти полк. Г. Э. Тепкина.

Летит неудержимо время и все дальше и дальше уносит от безвозвратно ушедшей юности, от милого былого; но там остались некоторые события, переживания и встречи, от которых все же оно бессильно унести меня, — они живут со мной и воспоминания о них — это частичка меня.

29 июля (по стар. ст.) исполняется 10 лет со дня смерти полковника Г. Э. Тепкина, а память о нем такая свежая, яркая, живая торжествует над временем, не победило оно ее; торжествует она и над смертью, ибо Гаврик во мне: стоит только надавить „его кнопочку“ в камере памяти и он вновь передо мной, бесконечно дорогой и незабвенный.

В годы войны с большевиками он выдвинулся на роль не только любимого командира родного калмыцкого полка, но и популярного вождя своего маленького, но крепко спаянного народа. Особенно ярка его фигура была в самый тяжкий и ответственный момент — после краха Казачье-Добровольческого фронта, когда стала неизбежной необходимость стремиться к морю и вплавь спасаться от мстительного врага. И вот тут-то все калмыки и сгрудились вокруг Тепкина, ему вверили свою судьбу; он был единственной опорой, утехой и надеждой, путеводной звездой, ибо по пятам шла грозная, неминуемая смерть. Об этом славном периоде его жизни писали и вероятно еще напишут те, кто вместе с ним пили из горькой чаши неудачи в борьбе за „свой порог родной и угол“.

Я его узнал, тесно общался и близко сошелся с ним в Германскую войну, в 22 Донском казачьем полку. Воспоминаниями об этом времени я и хотел поделиться.

Как дороги были тогда дни отдыха от непосредственной угрозы смерти и как хотелось „нажиться“ поскорее и как можно больше! Увлекались женщинами, хмельным, картами. Нас же с Гавриком сблизила охота, сначала ружейная, а потом псовая, с борзыми. Сблизившись таким образом, мы часто потом проводили время вместе за разговорами, рассказывали друг другу о своем коротеньком прошлом и о длинных планах на будущее. Вообще-то он был замкнут, даже застенчив, не охотно пускал посторонних зрителей в свой интимный мир, а потому такие беседы у нас были всегда один на один. Впрочем, впервые я его увидел и познакомился с ним у карточного стола. Меня, после представления командиру, по прибытии в полк, пригласил ад'ютант на ночевку, а у него в это время заседала компания за „девяткой“, охотно из'явившая желание научить и меня. Вскоре после нас вошел небольшого роста, но стройный, ловкий, необыкновенно грациозный во всех движениях хорунжий калмык. Встретили его таким дружным, теплым и радушным гомоном, что я сразу увидел в нем всеобщего любимца. „А, Тепочка, добро пожаловать“! „А вот и наша желтая опасность, но очень милая. Знакомтесь“! и т. д. Этот сердечный тон встречи, наружность вошедшего и его манера держать себя сразу приковали к нему мое внимание, а к концу вечера он мне уже определенно нравился.

А покорил он мое сердце смехом. Да, этот смех его — дар Божий; не все, даже дети способны смеяться так чисто, так безгрешно, как умел он. В его смехе не было и тени злорадства, ехидности, насмешки. Смеялся он всегда громко, высоким тенорком, заливался, как колокольчик, заражая всех присутствующих...

Смех Гаврика знали все в полку и все его любили за этот смех.

Впрочем не только за смех любили его; нет, общее расположение и симпатию он заслужил очень милой манерой держать себя: по отношению к старшим начальникам он был строго исполнительным, изысканно почтительным, но вместе с тем ревниво оберегал чувство собственного достоинства; с младшими товарищами жил душа в душу, но фамильярность и амикошонство не терпел, а потому никаких недоразумений, счетов и тому подобн. у него ни с кем не было; с подчиненными, даже казаками у него был редкий такт в обращении: не наказывал, даже не цукал, но люди исполняли его приказание с абсолютной точностью и добросовестностью. Не то, что боялись его, нет, я бы сказал, как-то стыдились не исполнять его приказаний — так он умел приказывать. Это я наблюдал у него и в Германскую на должности младшего офицера и в войну с большевиками, когда он командовал полком в Таврии.

Не даром он кончил Новочеркасское Казачье училище портупей юнкером: строевик был образцовый и конник до мозга костей. В войну с большевиками я его увидел впервые в Воронежской губернии на должности начальника штаба конной бригады. С полковником Сухаревским они давали тогда „концерты“ большевикам со своей бригадой: богато вооруживши ее пулеметами на тачанках, не воевали с красной пехотой, а громили ее всегда с фланга и тыла, развлекая в лоб богатым пулеметным огнем; нащупыванию флангов и слабых мест для прорыва отдавалось первенствующее внимание. При боях с конницей, в борьбе за выигрыш флангов, так разворачивали бригаду, прикрывая жидкую лаву все тем же пулеметным огнем, что из нея получалась „несметная конница“. А вот в трудную минуту бригаду сбивали в такой кулачек, что в игольное ушко с ней проскальзовали. Службой связи и разведкой, в особенности во время боя, бригада могла щеголять и гордиться, а это уже дело исключительно начальника штаба.

Еще в восточной Пруссии Г. Эр. показал себя смелым и мудрым разведчиком, особенно же при вклинении Германской ударной группы в Русский фронт и окружения армии генерала Самсонова. 22 Донской казачий полк был тогда на правом фланге 6-го арм. корпуса, соприкасавшегося с армией Самсонова. Гаврик был тогда единственным офицером в 5 сотне, кроме командира сотни, и был бессменным начальником раз'ездов — сейчас же по присоединении к сотне после выполнения задачи он получал новую, свежих людей и шел опять искать противника или прикрывать собой отходящие части. Там, между прочим, он показал нам, что наш Тепочка, добрейший человек, дитя с хрустальным смехом, мог быть, когда это нужно, жестоким до бесчеловечности.

Однажды, дойдя с раз'ездом до назначенного пункта, прусского местечка, и не обнаружив там противника, решил сделать там же привал, для чего расположился с раз'ездом в крайнем дворе на западной опушке, к которому непосредственно примыкало кладбище, обнесенное невысокой каменной стеной, поросшей изнутри кустарником. Выставленный Гавриком пост укрылся за кладбищенской стеной и вел наблюдение за шоссе, ведущим с запада. Вскоре прибежал оттуда подчасок и сообщил о приближении немецкого раз'езда. Оставив надзор за лошадьми, весь раз'езд перебрался через стену на кладбище и замер в ожидании немцев в свою ловушку. Гаврик решил пропустить дозор в улицу, не обнаруживая себя, и расстрелять его; вооружившись сам винтовкой коновода, выбрал заранее мишенью офицера немца, распределил остальные „мишени“ между казаками и ждал. Немцы должны были ехать в десяти даже в пяти шагах от стены, а так как это было первое соприкосновение с противником, люди горячились, как новичок охотник при приближении дичи. В таких случаях ружья начинают стрелять сами. То же было и с винтовками раз'езда Гаврика; когда дозор подошел на 30-40 шагов, раздался первый шальной выстрел, послуживший сигналом к глупейшей беспорядочной стрельбе.

Досаду и злость Гаврика не берусь описать. Не успели опомниться от происшествия, как услышали стрельбу сзади себя в самом местечке... Команда „по коням“! и раз'езд пробкой вылетел из местечка, расстреливаемый из окон, из ворот и из-за углов самим населением...

Убитый казак из раз'езда оставлен на улице; раз'езд собрался на восточной окрайне. Что делать? Брать штурмом улицы, отдельные дома неумно, бессмысленно (раз'езду в 18 коней!) а ведь иначе труп убитого не достать... И Гаврик так решает эту задачу: старику немцу, владельцу крайнего домика приказано сейчас же отправиться за трупом казака, иначе его семья, женщины и дети, оставшиеся в домике, будут сожжены живьем. Через полчаса старик, при помощи 3-х женщин, принес убитого...

Потянулась дальше нить воспоминаний и привела в Варшаву. Это было зимой 1914-15 года. Полку была поручена охрана Варшавских мостов. Тепочку назначили начальником этой охраны. Варшава его хорошо знала, а варшавянки дарили ему много внимания, чем немало его смущали и приводили иногда в замешательство. Отличный солдат, редкий товарищ, он был плохим кавалером, а может быть и не искал близости с женщинами. Смелые варшавянки частенько в кавярнах, ресторанах, театрах, слишком ясно выражали желание познакомиться с ним. Не тут-то было — уклонялся и этим самым еще больше разжигал их.

Выше я сказал о его изящной фигурке, о грациозности движений — это не фраза: великие княжны, когда выпуск юнкеров 1914 года был принят при дворе в Ливадии, сразу заметили его в толпе юнкеров, а великая княжна Татьяна Николаевна прямо сказала ему: „А вы должны божественно танцовать мазурку“! и собиралась обратиться к „старому“ — барону Фредериксу — с просьбой устроить бал. Да, она не ошиблась; танцором он был замечательным, жаль только, что редко это показывал.

В январе 1918 года мы расстались и, не считая двух мимолетных встречь (в Воронежской губернии и 6 февраля 1920 года под Торговой) сошлись только в Крыму в мае 20 года.

Приехавши в Крым раньше, из Новороссийска, я, как только услышал о прибытии туда же и Г. Эр. с полком, сейчас же отправился к нему и был принят им в полк. Пока были исполнены формальности моего поступления в Зюнгарский полк, он уже выступил в Таврию и я догнал его на пути.

Неумолимый рок уже отсчитывал последние дни бытия Гаврика, когда мы вновь после долгой разлуки сошлись вместе; когда мы вновь оставшись вдвоем, поверяли друг другу свои интимные переживания. Я только там понял, каким нежно любящим отцом был Гаврик. Надо было слышать его рассказы о своей маленькой дочурке, умершей при переходе через Кавказский хребет; сколько гордости отца звучала в его голосе, когда он говорил, что дочурка так хитро, так умно обманывала налетавших то и дело большевиков на зимовник (после большевицкого переворота) и умышленно у нее маленькой расспрашивавших „где папа“? Она отвечала: „Давно уехал в Астраханскую губернию“. А сама знала даже место его убежища, то в скирде соломы или сена, то в постройках и т. д. Не надолго он пережил свою дочушку; в Таврии караулила и его смерть, послала на него сразу два тифа и задушила. 29-VII не стало Гаврика; ушел он из жизни в расцвете сил, — даровитый, молодой, энергичный, трепетно любящий свой край родной, свой народ.

Его похороны, это злостная насмешка судьбы, так больно вспоминать о них: хоронили такого дорогого человека, а похороны были так чудовищно бедны — с позиции позволили снять только один взвод, да и тому не разрешил ген. Кутепов стрельбу: и при спуске гроба в могилу салютовали холодным оружием; духовенства почти не было; даже прощального надгробного слова не кому было сказать. Калмыки были окончательно убиты горем, не до речей было им, а из присутствовавших при похоронах казаков, пробовал говорить я, да захлебнулся слезами и умолк.

Песчанское кладбище поглотило дорогой прах усопшего для вечного сна, но память о нем жива и будет в наших сердцах, пока бьются эти сердца, знающих незабвенного, дорогого Гаврика.

Думы и мысли.

ЗА БРАТЬЕВ КАЗАКОВ.

С отвагою в сердце, с любовью в груди,
На подвиг священный отчизны идти!
С измученных братьев всю тяжесть оков
Сорвем мы на славу грядущих веков.
Мы солнцем свободы родных озарим!
И светлую Родине жизнь мы дадим.
Довольно смеяться, ужасный злодей,
Под тяжкие стоны и вопли людей!
Настало уж время и час уж пробил,
Не жди ж ты пощады, коль сам не щадил!
Не страшны угрозы тех скрытых врагов,
Берет кто на мушку всех нас, казаков.
Не лучше-ли смерть, чем гнусное рабство!
Да здравствует стяг наш — те Вільне Козацтво.

И. Уколов.

9-VII-1930 г.

Современная проза.

(*Из жизни Казачества под игом красн. интернационала*).

С крыш солома понависла, курени скрипят; плачут сироты, вдовицы; старики грустят. А старушки в тесных стряках молча скорбь плетут. А Матрены из Тамбова в горницах живут. Все разграбили, раздели с головы до ног и, как мух, повыгоняли под один итог: старцев, юношей, старушек, матерей с детьми, и казачие пожитки растащили мужики.

По конюшням ветер воет, пусто во дворе; и не лает пес покорный в хуторе нигде. Двери настежь отворены; заросло гумно; и калитка дворовая сожжена давно. Пусты закрома в амбарах, — нечего беречь; нет лошадушек, коровки, — нечего стеречь. И не цекают цыплята; не поет петух; не резвятся поросята и не слышен гук: чух! чух!..

Стаи белых и наплеких караван гусей не пасут меж копен дети в степи скошенных полей. И ни дедушка, ни бабка древних песен не поют; сорванцам, внучатам малым, мягких пышек не пекут. И не сказывают сказки, лаская детей, про Ягу бабу, русалку, про былых богатырей. Голова старцев покрыта тряпкой, лоскутом; грудь широкая обвита в латках зипуном. Ноги стянуты веревкой — точно в кандалах; в рваных ситцевых штанишках, в клочья порванных чулках. Ходят бледные, понуря головы свои. Знать за службушку награда...

Все казачье стерто, смыто, и повержено во прах, — родной угол, двор, ливада... Власть в Матрешкиных руках. Нет ни сеянки, размолки, муки — не достать; купон, карты и затылки в улицах пестрят. А коль выпустишь словечко, новый барин тут как тут с серпом, молотом, наганом... И Ваньки бегут: „Стой кулак! Стой, саботажник! Сволочь! Замолчать! Иль на каторге в Сибири хочешь побывать?!

Дни в печалях, скорбях лютых медленно плывут. А сыны из стран далеких скоро ли придут? Но, придя, едва узнают колыбель свою! И кто ж тогда отрет с лица теплую слезу? Тропинки юности и детства заростут травой. Не услышат мамы голос: Откуда сын родимый мой? — Склонивши головы на груди, к кладбищу побредут; шагая тихо по тропинкам, родных могилы не найдут. Крест подгнил, упал, сломался; холмик смыт водой; куст вишневый разметало бурей дождевой. Рыдая, падши на колени, тихо пропоешь: Вечная память, вечный покой братьям усопшим, отец дорогой. Могилы ж старушек, жен и детей украсит песней ночной соловей.

П. Кудинов.

20-VII-30. Болгария.

„Тактические ошибки".

В журнале „Борьба за Россию" №. 182/183 от 1-VII-1030 г. помещена статья И. Савченка: „Уроки Кубанского восстания 1920 года". В начале статьи говорится, что после неудач Добрармии на Черноморском побережьи были оставлены на произвол и милость „красного обще-русского фронта" 30.000 казаков. „В спешке эвакуации на корабли непогруженными оказались 30.000 бойцов, главным образом, Кубанские полки. 30.000 бойцов оставлены были на волю победителей. И тут произошло нечто беспримерное в летописях военной истории: 30.000 бойцов, брошенных своей армией, оскорбленных в чувстве товарищества и в вере в боевую выручку, по одному, без приказа, повинуясь лишь голосу долга, собрались за Кубанью, в лесах Лабы и Белой, и вновь подняли знамя борьбы с большевиками..."

Многие участники Черноморских „тактических ошибок обще-русского фронта", пережившие жуткие минуты, — знают почему „в спешке эвакуации на корабли непогруженными оказались Кубанские полки", а с ними и многие тысячи донцов и калмыков. Казачья история беспристрастно поведает правду потомству.

Дальше автор говорит об организации групп повстанцев ген. Фостикова и полк. Крыжановского. Не хочу касаться личностей г. г. Фостикова и Крыжановского, их личных достоинств и недостатков, их заслуг и „дел" в пользу или во вред Казачества — об этом тоже скажет свое слово Казачья история. Еще меньший интерес, пока, представляет личность г. И. Савченка, а по сему нет необходимости о нем говорить. Я говорю о той мысли, которую автор статьи услужливо (как и все г.г. Савченки) старается провести, лавируя между Казачеством, принесшим в жертву лучших сынов своих, неисчислимые богатства, полившим еще раз своей кровью уже политые славными предками родные степи, — и... — „обще-русским знаменем".

Не удивляет меня, что автор статьи на страницах журнала „Борьба за Россию" приводит факты и „тактические ошибки" Фостикова или Крыжановского, а удивляет меня, да вероятно и всех казаков, — нетактичность г. Савченка в отношении Казачества. Через всю его статью проводится тенденциозная мысль, обвинение (за неуспех дела восстания) в „самостийничестве" Фостикова.

Спрашиваю, против кого казаки восставали и восстают? Не против русских ли большевиков, пришедших в Казачьи Земли хозяйничать — грабить накопленное добро? Почему „Орловские" после ухода Добрармии не создали отряды — „обще-русский фронт", — против русских большевиков, а пошли охотно „потеснить контрреволюционное Казачество"? Да ведь верно же, когда казаки в составе „обще русского фронта" шли завоевывать Москву — у них в тылу восставали русские мужики против „обще-русского фронта" — из казаков, а потому вполне понятно, что и казаки создают анти-русский фронт, чтобы восстановить казачье имя, чтобы освободиться от бесправной оккупации „народа богоносца".

Удивляет меня — казака вот эта неискренность и бесцеремонность „господ Савченок", которые всеми силами стараются затянуть Казачество в лоно единой неделимой, — против его — Казачества желания. Получается „ты ему плюй в глаза, а он тебе — Божья роса", ты ему говоришь: „не хочу твоей неделимой, подавись ты ею", а он тебе свое долбит: „хоть и не хотишь а все таки создавай обще-русский". Вероятно г. Савченко писал свою статью для Орловских читателей, чтобы выслужиться, а не для казаков, поднявших опять знамя борьбы против русских насильников.

Он говорит: „Учтя ситуацию, Фостиков решил отказаться от тактики самостийничества (если верно, то вероятно без согласия казаков? Я. К.) и принять предложение ген. Врангеля... Не могло быть и речи об уклонении от принятия предложения со стороны полковника Крыжановского: он был открытый сторонник единого обще-русского фронта. То, что вчера еще взаимно отталкивало двух повстанческих вождей, — сейчас — силою вещей сводило их воедино". Неужели же автор статьи еще верит в брехню, что казаки, которым сейчас отобрано право даже дышать свободно воздухом своих родных степей, которых сейчас москали без

суда выводят в „расход у стенки земного рая", которых русские большевики вытеснили из родного дома, которые под натиском „обще-русского фронта" бежали в горы и леса, у которых „тактика" отобрала имя казака, право жить в родном доме, имущество, — неужели они, — эти казаки в лесу сейчас живут иллюзией (под соловьиный напев „Савченок") освобождать русских от русских, т. е. большевиков от большевиков? Где же логика? Где же совесть? Где же правда???

Г. г. Савченки! помните: никто вам не мешает создавать „обще-русский фронт" — из русских! Вольные же Казаки создают обще-казачий фронт против русских оккупантов — насильников и „потесниться" у себя дома во имя сладких речей „адвокатов" или прекрасных глаз „бабушек" — не желают! Время со дня революции до сегодня — научило нас защищать свой родной дом, а не отдавать свой дом на алтарь спасения „народа богоносца", который декретом уничтожает и Бога, и нации, и совесть, и мораль, и честь.

Да и „тактика" Казачества изменилась в свою пользу, а не в пользу „вождей" и иже с ними. Коли уже вас „Савченок" „народ богоносец" не признает и не примет в свое лоно — помните, что у нас — казаков „в куль да в воду!"

Верно, безусловно, что наши казачьи руководители сделали много „тактических ошибок" в прошлом и за это Казачество выпивает горькую чашу искупления до дна. Не делай этих „тактических ошибок", — Казакия уже давно была бы цветущей страной.

Вольное Казачество, после горького опыта, „тактических ошибок" не повторит и намеченных целей достигнет.

11-VII-1930 г. Казак **Яков Ковган.**

Под дулом револьвера.

Был жаркий летний день 1918 года. Где-то, совсем недалеко, раздавались глухие звуки пушечных выстрелов, а иногда теплый порыв ветра неизвестно откуда доносил волну тошнотворного зловонья: то трупы убитых казаков и русских разлагались, утучняя Сальскую землю.

Станица наша долго была между двух фронтов и потому долго служила ареной налетов и действий разведчиков. Станица долго колебалась, не зная на чьей стороне правда и сила. Но однажды ее прорвало и станица спешно, без всякого уговора, начала седлать коней и собираться выезжать к „белым". Оказывается, толчок дал сотник Ремелев Саран, приехавший в нашу станицу с калмыцким раз'ездом.

Запуганный и присмиревший, было, народ быстро очнулся, увидя своих братьев-калмыков других станиц, вооруженных, смелых, уничтожающих врагов, мстящих им за поруганную веру, честь и ограбленное имущество.

Уехали почти все мужчины. Остался в станичном правлении только я и наш казначей Ишинов. Признаться колебался и я, десятки раз задавая себе вопрос: „не уехать ли"?!..

Слух, что Эркетиновцы уехали к „кадетам", быстро дошел до большевиков и их раз'езд (целый эскадрон под командой грозного Марка Колпакова) не замедлил явиться. Спешив эскадрон у станичного правления, рослый, здоровый, горбоносый Колпаков, с громадным клоком висящего чуба, увешанный револьверами всяких систем, развалистой походкой вошел в правление и загремел: „А ну, где тут кадеты, подавай сюда их живьем!" И немедленно, не дав мне вымолвить слово, направил на меня дуло какого-то, причудливой формы равольвера. „О хархин! вот тебе и смерть пришла, какого черта я остался"... успел я подумать и грянул выстрел, обдав мои глаза вспыхнувшим пламенем. Невольно нагнулся я собираясь падать, но ноги стояли крепко и никакой боли не было. Колпаков выстрелил над головой.

„Стой сынок, не убивай его, виноватые ушли, а он остался и вчера спас вашего товарища" раздался голос старухи соседки, у которой я вчера выручил от „кадетского" раз'езда ее сына, моего соседа Макеева. Колпаков, узнав в чем дело немного успокоился и спрятал револьвер.

Через несколько часов обыска по калмыцким сундукам отряд его вышел из станицы, категорически приказав мне вернуть Эркетинцев из кадетского отряда.

„Ну, на этот раз спасла мать Макеева, а другой раз может и не спасти" подумал я и начал седлать коня, чтобы ночью пробраться к своим станичникам. Кроме опосности быть без причины убитым, на меня сильное впечатление призвело как паршивый кацап кричал на меня в станичном правлении, а другие шарили в нашем святом „сёме" и топтали священные книги Божественной мудрости..

„Нет, лучше бороться и умереть, чем живым видеть и сносить все это" — решил я, выезжая со двора, напутствуемый благословением старика отца и матери-старухи.

На другое утро станичники радостно приветствовали меня в чьем-то зимовнике...

А. Зартынов.

1930 г. Пиренеи.

Ставропольский остров.

I.

Ген. Богаевский в своей статье „Казачество и самостийность" вызвал нас, казаков, на политическую дуэль, задал казакам вопрос: „Как быть со Ставропольской губернией, отдельным островом зелегшей среди казачьего моря"? Полагаю, что в будущем на это ответит Войско и все Казачество, а сейчас коснусь только появления этого острова.

Он появился точно также, как появился новый остров в пределах Донского Войска и состоит из двух округов Таганрогского и Ростовского. В былые годы центр преимущественно в этих округах наделял землею войсковых старшин и чиновный мир Петрограда, как он наделял землею коннозаводчиков в Сальском округе по три копейки за десятину. Таким образом, большая часть земли Таганрогского и Ростовского округов находилась у помещиков. Для обработки своей земли помещики вербовали крестьян, которые незаметно для глаз казачьих оседали на земле Донского Войска. Так и появились крестьянские хуторки, впоследствии превратившиеся в села.

Известно, что всеми землями Российской Империи, кроме Министерства Земледелия, ведал Петроградский Дворянский и Крестьянский Земельный Банк. Само название этого учреждения говорит за себя, но тем не менее, придется сказать несколько слов о его функциях. На его обязанности лежало: скупка дворянских и помещичьих земель; распродажа таковых земель; удовлетворять всевозможные земельные потребности нуждающихся; регулировать тяжбы между помещиками и крестьянами и в то же время он являлся маской для императоров и российского правительства с их грамотами, которыми они подтверждали „незыблемые права казаков на землю". По мере увеличения прироста Российской Империи, правительство, желая расселить свое русское население, учитывало, что лучшие земли в Донском Войске находятся в названных округах. Поэтому, не желая в дальнейшем упустить эти земли и не считаясь с тем, что хозяевами ее являются казаки, правительство скупило ее у дворян и помещиков через Банк в названных округах. Отлично знал Петроград, что казаки не только в своем, но и в другом Войске землю покупать не будут и центр, маскируясь Дворянским и Крестьянским Земельным Банком, распродавал скупленную землю в Таганрогском и Ростовском округах крестьянам.

Точно также заселял центр и Ставропольские степи крестьянами, путем переброски их из центральных губерний, а отчасти тем путем, каким он заселял названные округа, чтобы в будущем избежать концентрации казачьих сил. Таким путем залег ставропольский остров среди казачьего моря. Может быть пришли бы времена, когда надо было бы заселять Таганрогский и Ростовский округа казачьим населением, но цель российского правительства — поселить свое русское население на лучшей Казачьей земле и отделить Украинское Казачество от Донского и других Войск, что будет политически надежно. Залегли острова на Астраханских степях так, что ген. Богаевский на страницах

российской газеты и в своей статье не в силах разобраться и ищет естественных границ среди Казачьих Войск. Также появился целый материк, который залег между четырех Войск: Донского с Астраханским и Уральским с Оренбургским и Европейское Казачество разделено пополам.

Трудно сказать, что получилось бы в будущем с Сальскими степями, но как будто проводники этих островов уже были — коннозаводчики.

Если мы, казаки, будем рассуждать, а, главное, защищать свои права так, как их „защищает" ген. Богаевский, то может будущее российское правительство скупит через Дворянский и Крестьянский Земельный Банк, или подобное ему учреждение и землю под Атаманским Дворцом в Новочеркасске и заселит ее своим населением, а мы, казаки, будем строить дворцы губернаторов на грамотах г.г. Гукасова, Милюкова, Керенского или ими поставленных.

II.

Не могу обойти молчанием и остальную часть его статьи, ибо ген. Богаевский в „Р. К." №. 2 на 4 стр. дал слово казакам, что он больше не будет высказываться о самостийности: „Я не буду повторять этого". По непонятным причинам снова „проговорил" о самостийниках. Решил и я тоже не молчать, хотя ему тонко отвечено (См. „В. К.", №. №. 41 и 42, 45, 47 и 49). Мне придется, быть может, кое-что повторить и ответить толсто.

„Защищая" Казачество, он не прочь стать на одну доску с кн. Волконским. Кн. Волконский на собрании в Риме сказал: „Иностранцы — раздробители России"... (См. Возр. №. 1537) Ген. Богаевский в своей статье, касаясь кучки каторжников и убийц, захватил и считает самостийность, как нечто враждебное России, и в адрес соседних иностранных государств пишет: „Она полезна тем нашим соседям, которые не хотят видеть нашу Родину могучей и крепкой". И дальше: „Такая Россия желательна и самостийникам"...

Казачество выбирало его защищать интересы Войска и он, присягая, говорил: „Имея в помыслах только пользу Войска Донского" (См. текст присяги в „Дон. Лет." №. 2 и „В. К." №. 11). Казалось бы после этого что защиту российских интересов надо было бы предоставить кн. Волконскому, но беда казачья в том, что ген. Богаевский забыл Казачество, ровняет казаков с каторжниками и убийцами и делает легкий укор соседним иностранным государствам, заведомо зная, что „Россией" правит кучка названных им людей.

Уверен ли он, что после падения каторжников и убийц, наступит сразу порядок, а не анархия, как и было уже, когда и ген. Богаевский обращался за помощью к иностранцам. Неужели для него интересы российские превыше интересов Казачества, которому он обязан всем своим существом и Казачество разграблялось и уничтожалось не только шайкой каторжников, но и вообще.

Надо ли без конца перечислять факты и примеры, но так как находятся лица, которые не хотят уяснить эти факты, то придется им чаще напоминать, а поэтому напомним, хотя бы о главных и более существенных фактах. Петр I уничтожил самостоятельность Донского Войска и отрезал от Войска миллион десятин земли. Отобрал Казачий Флот и жег городки. Екатерина II уничтожила Запорожскую Сич. Снесены Волжские Казачьи Войска, которые связывали Донское и Астраханское с Уральским и Оренбургским Войсками. О Волжских Войсках у нас, казаков, остались одни воспоминания и ныне на их местах раскинулись российские села, т. е. залег „материк" среди Казачьих Войск. По мере прироста казачьего населения, российское правительство старалось расселить казачий прирост по окрайнам своего государства так, чтобы не было среди Казачьих Войск связующего звена, несмотря на то, что под боком Донского Войска находились Ставропольские степи. Ныне есть „ставропольский остров".

Очевидно, российская власть преследовала следующие цели: 1) Переселение казаков — дробление казачьих сил и разные пограничные стычки казаков с иноземцами экономически и материально обессиливало и уменьшало прирост казачьего населения, что избавляло в будущем центральную власть от претензий, делаемых со стороны казаков. 2) Прежде чем иноземец коснется достояния русского человека, он должен перешагнуть через жизнь казака. 3) Вкрапливание своего русского населения внутри и между Казачьими Войсками, что давало российскому правительству мирным путем производить разведку о настроении казаков. Сейчас эту работу исполняет чека. 4) Натравливание казаков на крестьян и Горские народы и наоборот.

Таким образом Казачество находилось между российской наковальней и иноплеменным и иноземным молотом. Эти жестокие уроки Казачество понесло от Матери-России отчасти без нашей, а отчасти при нашей жизни.

Теперь, приведем примеры, которых мы, казаки, были свидетелями. „Дипломатически" упразднена часть Черноморского Войска, где сейчас раскинулась Новороссийская губерния. Мобилизация Вр. Правительством двух военных округов против Дона. Выбито, как нарочно, все мужское казачье население Уральского Войска. Убийство Рябовола и повешение г. Кулабухова. Брошены на произвол судьбы Казачьи Армии в Новороссийске и на Черноморском побережьи. Русская общественность помешала казакам осесть на землю в Югославии (См. В. №. 14 и 15 стр. 23). Отрезана Северная часть Донского Войска и прирезана к Саратовской губ.; как в дни Петра I. Все Войска снесены и заменены северокавказским краем.

Принимая во внимание все, казаку приходится задуматься. Не ждет ли участь Казачьего народа та, которая постигла Горские народы. Не придется ли казаку ходить коновалить или петь молитву Шамиля. Да уже и поем...

III.

Свежи исторические примеры для казаков, но ген. Богаевский решился писать, что „казаки кровно связанные происхождением, верою, языком" и что „казаки никогда не считали себя чужими в России", а „кровные" иногда говорят казаку: „Казачки те же русские люди". Факты и живые примеры, перенесенные на своей жизни говорят совсем обратное.

Когда Казачество восстало за поруганную Веру и на защиту Родных Краев и для общего дела, то русские люди отсутствовали. Все способное мужское казачье население носить оружие стало в ряды, а „казачки" исполняя работу своего хозяйства и в то же время отбывали военные потребности своих защитников. На освобожденных Казачьих Землях отдыхал и пополнялся русский добровольческий отряд. Таких благородных порывов не замечалось среди русского населения не только к Казачеству, но и к России.

Иногда от русских можно услышать, что для „казачков" это было вполне возможно, ибо они жили сосредоточенно и имели землю, а русских большевизм захватил врасплох. Допустим, что первая волна большевизма захватила русских неожиданно, но был ли проявлен национализм или чувства долга перед Родиной вторично, когда ген. Деникин дошел до Орла? Сколько на этом пути было русской интелигенции, сколько было крестьян, имевших землю и живших лучше, чем казак, не считая помещиков, которых насчитывалось в России до ста десяти тысяч? Что делали русские села, расположенные среди казачьих хуторов и станиц и почему крестьяне этих сел не „откристаллизовались" хотя и жили лучше, чем казаки? Все „богоносцы" ждали „казачка", когда он придет и спасет их, нарежет им землицу в своем Войске, а потом его можно будет сослать на окраину своего русского государства для промыслов. Господа „кровные" укажите хоть на один пример, который бы свидетельствовал, что русское правительство относилось так же отрицательно к своему русскому, как к казачьему населению и уничтожало губернии так же, как Казачьи Войска. Шестьдесят пять лет назад был покорен Кавказ и сейчас Горские народы говорят по-русски, а по этому естественно, что мы,

казаки, говорим на русском языке, как прожившие с „кровной“ Россией более пятисот лет.

Теперь, когда инициаторы Вольного Казачества открыли корень о происхождении Казачества, то „кровные“ пришли в ярость. Правда всегда раздражает, если бы это было не правда, то они отнеслись бы к этому хладнокровно и в свое время не уничтожили бы Казачьи Войска.

IV.

Местами ген. Богаевский пугает казаков: „Трудно представить себе, чтобы будущая российская власть, какая бы она ни была — спокойно примирилась с полной независимостью казачьих областей“... Как будто все казаки военные люди и способны отличать качество и количество и казалось бы, доказательства излишни, но нас пугают, а поэтому придется прибегнуть к доказательствам. Известно, что в 1905 г. была Японская война. Россия занимала одну шестую часть света, и располагала императорской армией, и кричали: „шапками забросаем“, но результаты каковы? Не постыдный ли мир? Участвовала Россия в Великой войне. Не будем заниматься посторонним разбором, что Ленин приехал из Германии в запломбированном вагоне, а подчеркнем голый факт и спросим каков конец этой войны? Воевала Россия или РСФСР с Польшей в 1920 г., когда военные силы „России“ превышали Польшу, как молодое государство, и не будем ставить, что Франция помогала Польше, а признаем за факт, что Польша побила РСФСР. А Великая война? Там где были казачьи полки, там не было добровольных переходов и сдач русских солдат на сторону противника, а где не было на фронте казачьих частей получалось наоборот. Казаки, бывшие на фронте Великой войны, это хорошо знают. Теперь, если казаки осуществлят Юго-Восточный Союз, где сольются в одно целое: Казачество с Народами Кавказа и Степей с одной и Украинское Казачество с другой стороны с их моральными качествами в военном отношении и материальными богатствами их Родных Земель, — никакая Россия их не победит. Россия побеждала те или иные племена и народы казачьими головами, но сама от серьезных побед была очень далека.

Пугает он казаков тем, что „в погребах казначейства не лежат груды золота“, но признает, что есть недра и для разработки таковых нужны деньги и говорит: „Остается заем, а с ним — драконовские проценты“. Здесь, как будто, ген. Богаевский говорит о своих государственных талантах. Ни один правитель страны не боится „драконовских процентов“, а управляет страной. Не боялось их российское правительство, а делало долги, несмотря на то, что не имело плодородных земель, устойчивого населения и недр земли, а все черпало из Казачьих и других Земель.

По указке того же правительства, казаки были первыми в авангарде российских войск. Хочется спросить, сколько лет или веков происходила оккупация Казачьих Земель Россией? Какие проценты мы, казаки, заплатили России за пятисотлетнюю оккупацию тогда и какие проценты платят сейчас наши братья казаки в СССР? Драконовские или не драконовские? Какие придется платить проценты казакам в будущем за долг России иностранным государствам? Житом Россия за себя не заплатит, а следовательно надо выкачивать казачьи богатства. Какие это еще будут проценты, а главное, что для ген. Богаевского превыше, проценты или Казачий народ, которому угрожает самое бытие его?

Казачьими недрами и недрами других Земель кормилась Россия: строила царские и частные дворцы; распродавала их иностранным государствам, а сейчас русские граждане в эмиграции не дают покоя иностранным судам. Судятся. Казак в недоумении. Как будто нефтяных и керосиновых фонтанов в Московской и Петроградской губ. нет. Залежей угля и железной руды в Воронежской и Тамбовской губ. тоже не найдешь, а откуда же русская эмиграция так богата, а казачья и другая эмиграция нищенствует? Не даром ген. Богаевский советует казакам собирать копейку и при возвращении на родину быть не нищими (см. „Р. К.“ №. 2 ст. 6).

Добившись самостоятельности, Казачье Правительство найдет выход и если придется жертвовать известными процентами, хотя бы вплоть до казачьих голов, за то казаки будут знать, что они сами распоряжаются своими богатствами Родных Краев, как в простом казачьем хозяйстве казак сам распоряжался своим хозяйством.

V.

Есть в статье наставление для казаков: составлять с Россией одно целое; исполнять все общегосударственные повинности; через своих Представителей принимать участие в будущей Государственной Думе; упоминает о Выборных В. Атаманах и после наставления восклицает: „И это будет так!“ Одно время казаки составляли с Россией одно целое. Несли все общегосударственные повинности больше чем нужно и имели своих Представителей в Госуд. Думе, но голоса их тонули. После наставления для казаков идут уверения и отрицания: „Никакая российская власть после большевиков не будет угнетать казачества и мешать его нормальному развитию“.

В 1925 г. ген. Богаевский думал приступить к „нормальному развитию“ Казачества заграницей, а поэтому хотел принять деятельное участие в большом и малом эмигрантском комитетах, но встретил отрицательное отношение со стороны общероссийских организаций и писал казакам: „Но — с меня довольно. Больше я не пойду туда“ (см. Ин. Лист. №. 11 ст. 9).

Надо ли после этого восклицать: „И это будет так!“ и нужно ли отрицать: „Никакая“... несмотря на то, что казакам известны все российские власти, начиная от монархии и кончая коммунистами.

Статья кончается заключениями и предсказаниями: „И в возрожденной, могучей и крепкой России — будет почетное место и верному ей казачеству“. О предсказаниях ген. Богаевского, о будущих отношениях российской власти к Казачеству мы, казаки, можем судить по русской общественной прессе. Редакция „Возрождения“ не прочь писать казакам с иронией о Войсковом Круге и Краевой Раде, но не находит возможности поставить заглавных букв для Казачьего Парламента, но иронию свою уронила перед Госуд. Думой и даже Вр. Правительством, хотя искренне к ним „Возрождение“ не питает чувства, но все-таки для этих высших русских инстанций нашлись в редакции соответствующие буквы. В передовой своей статье „Самостийный бурьян“ этого же номера, „Возрождение“ одобряет выступление ген. Богаевского против самостийников и эта же редакция подпирает маленькими буквами того, кого она одобряет и печатает: „Об этом пишет сегодня в газете донской атаман генерал А. П. Богаевский“. В №. 1537 „Возрождения“ можно встретить следующее: „Речь эта была произнесена кн. А. М. Волконским на празднованиии „Дня Русского Просвещения“, в Русском Собрании в Риме“. У русских все было с подобающим уважением и отношением только к русскому, но не к другому, даже день с большой буквой и все буквы стояли в порядке... Быть может русское общественное мнение других редакций относится к казакам, как русские к русским. Поэтому не мешает заглянуть в демократическую редакцию „Пос. Новостей №. 2580, где можно встретить перечень возложенных венков от разных представителей и организаций, среди них от верховного круга. Казалось бы русская демократия должна относиться к Парламенту вообще и в частности к Верховному Войсковому Кругу, как к Казачьему Высшему Парламенту и „кровному“, с известным уважением, но как видно, казаки не заслужили у русских уважения и соответствующей буквы для себя. Все взятое не представляет ли угнетения для Казачества? Ген. Богаевский принимает все меры стараний вплоть до вещаний, чтобы убедить казаков, что в будущем казаки будут жить так, как он хочет, но все данные сами за себя говорят, а казаки видят, что по Богаевскому не будет.

VI.

Ради чего ген. Богаевский решился в своей статье писать, что кучка самостийников не поделила гроши, а поэтому стыдно за честное имя казачье: „Неужели же ради денег — все забыто, вся прежняя честная служба России оказалась роковой ошибкой.“ У ген. Богаевско-

го роковой ошибки не произошло и честь сохранена. Десять лет казаки ждали, когда он скажет о войсковой сумме денег вывезенных с Дона и в каком состоянии находятся. Казаки хотят знать о Войсковых средствах, как они знали средства своего Хутора и Станицы. Инициаторы Вольного Казачества на защиту поруганного Казачества и Конституций тратят деньги и деньги не Войска. Если им удастся защитить и отстоять права целого Казачества, хотя бы Казачьим Войскам в будущем пришлось считаться с этим, то казачество не пожалеет. Однажды казаки пожалели „свести" по паре бычков, а сколько их теперь сведено, сколько положено казачьих голов?

Казаки на протяжении нескольких лет ждали от ген. Богаевского защиту прав и интересов Войска, которое вверило ему на основании присяги, данной им перед Войском. Я решаюсь просить Редакцию журнала „Вольного Казачества" воспроизвести часть текста присяги. Присяга гласит следующее: „Обещаюсь честью Донского казака перед Всемогущим Богом и перед святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и Христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству... Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества". После этого имел ли он право укорять казаков в забытии честной службы не существующей России? Правители: Польши, Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии не укоряют своих генералов, офицеров и воинских чинов в том, что когда то они честно служили России. Правители Австрии и Венгрии не укоряют чехов и словаков за службу Чехии и Югославии и наоборот.

На 5 странице № 14 и 15 „Вестника" ген. Богаевский, касаясь самостийности, пишет казакам: „Казачьи края отделились тогда от советской власти, но не от России". В тексте же сношения с Украиной, подписанного им же, говорится: „Каков бы строй ни был в России" (см. текст сношения с Украиной от 20 июля 1918 г. г. Новочеркасск и пом. в „В. К." № 28). Условно согласимся с ген. Богаевским, что это было тогда, т. е. в 1918 г. и в г. Новочеркасске, а не заграницей и не в Париже. „Тогда" возьмем его оффициозы. Откроем 87 стр. № 5 и 6 „Вестника" от 1926 г., где говорится: „Линия выборных Войсковых Атаманов определена самими казаками, еще на родине, и предуказана казачьими конституциями. Войсковые Атаманы этим конституциям присягнули и клятву свою свято исполняют, B-d Raspail Paris XIV. Если этого мало, то приведу еще одну выдержку, где сам ген. Богаевский подписался и писал казакам: „Уверен, что если бы и мы были независимы, как эти лимитрофы, то не сидели бы теперь вы, казаки, по заграничным фабрикам, не томились бы тоской по Родине, а давно были дома и строили новую жизнь по своему разуму и желанию. (См. В. № 9, стр. 2, 1927 г.) B-d Chauvelot Paris XV. Что сие означает? „Кровную„ мать — Россию или же самостийность? Когда это было и где? „Тогда" в 1918 г. и в Новочеркасске или же в 1927 г. в эмиграции и в Париже? Существенное или не существенное, правда это или не правда?

Если выше приведенные выдержки из Вестников означают правду, то зачем ген. Богаевский писал казакам в „Возрождении": „И не раз возражали мне самостийники в своем журнальчике „Вольное Казачество-Вільне Козацтво", не по существу, а просто — не зная, что сказать на слова правды". Если приведенные выдержки из Вестников означают не правду, то я об'ясню. Польша, Финляндия, Латвия, Литва и Эстония есть и народы их здравствуют целых десять лет. Это есть существенное. Казачества, как такового нет и Казачий народ целых десять лет ходит по российским мукам. Это есть не существенное.

VII.

Можно было бы не писать о том, что русские политические деятели пишут в своих газетах о Казачестве, ибо некоторые из казаков не придают этому никакого значения и больше помалкивают, но результаты молчания и дружбы с Добрармией сказались на казачьей спине, а иногда казаки говорят, что это газетный блеф. Молчали и в эмиграции. Но... хочется вспомнить о старом прошлом, а с ним о настоящем и провести главную параллель между прошлым и настоящим и к чему мы, казаки, пришли и спрашиваю, можно ли молчать, тем более, что ничего не делаем?

У всех в памяти свежо и доказывать не приходится, как в 1917 г. русская общественность разложилась и политические дельцы ее, через посредство газет, разложили русскую армию и принялись разлагать казаков. По заказу 1917 г. русские политические деятели в эмиграции тоже разложились и разложили свою эмиграцию и принялись за казачью эмиграцию. Для этой работы они завербовали некоторых казачьих политических деятелей в свои партии. Завербованные казачьи политические деятели памятуя, что им Казачество не платит казачьи целковые и забыв, что они сами не только присягали, но и по долгу службы обязывали каждого казака присягой Родным Краям, но сейчас обвиняют казаков-инициаторов Вольного Казачества в том, что они тратят чужие деньги на защиту тех же Основных Законов Казачьих Войск, какие они защищали с 1917 по 1920 г. и посылали рядовое Казачество не на жизнь, а на смерть. Ныне снова готовы володеть и управлять Казачеством, которое на измену Основным Законам своих Войск не пошло и не пойдет: „Однако масса казачья дорожит заветами Вольного Казачества и остается верной им". (См. Сводку № 2 стр. 16 и 17 и Вестник № 4 стр. 25).

VIII.

В 1918 г. Донские партизаны Степняки влили животворящую струю в Донских казаков и Казачество восстало и освободило Родные Края. По примеру того года, в Праге 1927 г. горсть смелых казаков решила: 1) сдвинуть казаков в эмиграции с мертвой точки, 2) изолировать казаков от русского газетного „блефа", 3) предохранить казаков от тлетворного разложения, и 4) воскресить веру у казака в собственные его силы. Если инициаторам Вольного Казачества не удастся воскресить веру у казака в его силу и все Казачество не откликнется на их призыв, точно также, если бы Донские казаки своевременно не отозвались на призыв Степняков, то конечный результат был бы — гибель Казачества.

Самолюбию не место. Партизаны-Степняки своим присутствием в степях призывали казаков, но не приписывали себе спасение Дона и о своих заслугах молчали и молчат. Перед нами еще свежий пример и казачье дело, какое бы оно ни было в глазах казачьей массы, но дело. Атаман коренной Пашковской станицы г. Лысенко, три года тому назад, искренне начал хлопотать о выезде в Америку, некоторые говорят, что не он и, результаты на лицо. Казаки захотели дело сделать т. е. выехать и 30 мая 1929 г. они выехали. В казаке сила, но надо захотеть проявить казачью в о л ю к с и л е.

Жизнь делает свое дело т. е. идет вперед, а если человек живет, то и он должен идти вперед, параллельно жизни, ибо он не может стоять на одной точке, иначе покатится по наклонной плоскости, но ген. Богаевский сказал казакам: „Всемогущее время работает за нас". (См. Ин. Лист № 11 стр. 9). Разберемся с тем, что сказал он и так ли это? Кажется, что казаки находятся во всех государствах, а поэтому легко проверить. Если бы иностронные народы ждали, что за них „всемогущее время" сделает то или другое дело, то мы, казаки, не видели бы того, что видим. В Японскую войну появились на военном фронте пулеметы и их работа по сравнению с Великой войной, можно сказать, была незначительна. В Великую войну стали в действие применять аэропланы с разведочной целью, а рядом — в гражданскую войну они играли не второстепенную роль, а вообще видим, что за двадцать лет нашей жизни появился целый мир техники. Немецкий народ с своими Президентами достиг за десять лет погашения известной части своего военного долга и эвакуацию иностранных войск с своей территории...

Когда же мы, казаки, под „водительством" ген. Бо-

гаевского заплатим известную часть своего „военного“ долга „Матери-России“ за неизвестную войну, и за неизвестное поражение, и достигнем эвакуацию „кровных“ российских войск из пределов Родных Краев? „Всемогущее время работает за нас“.

И. Скобелин.

Договорился.

(Ответ г. Мельникову).

Как бы тщательно человек не маскировался, как бы не скрывал истинные мысли, чувства, симпатии и антипатии, а наступает момент, когда все, чем он укрывался, лопается и действительность становится ясной.

Так получилось и с г. председателем Каз. союза, Мельниковым. В полемике с „Вольным Казачеством“ он обещал личностей не касаться. Однако, в пылу страстной полемики, он почему то обрушился на „Черноморцев“. Оказывается, зло „самостийности“ развели еще на Кубани Черноморцы и стали „разводить“ эту „самостийность“ и здесь, в эмиграции, а донцы так себе — плетутся в хвосте.

Прочитавши все номера „В. К.“ и „Ответы“, я установил, что отвечали ген. Богаевскому и критиковали его одни донцы. При чем тут кубанцы и именно„ Черноморцы“? Разве только „при том“, что они говорят и пишут „по-хохлацки“, что они добрые казаки, и что все искалечены в борьбе с большевиками и в будущем за Казачью идею умрут? Если поэтому они Вам не нравятся, то следовательно, в паре нам по казачьим вопросам идти нельзя.

Нападка Ваша на „Черноморцев“ нам понятна. Так делал блаженной памяти „Осваг“. Он травил одну часть казаков против другой, дабы раз'единить их, а потом уже раз'единенными управлять. Вы тоже хотите раз'единить казаков: донцов против кубанцев, линейцев против черноморцев. Раз'единенными Вам легче будет управлять и... благоденствовать.

Нет, уважаемый г. председатель, Вам этого не удастся сделать. Донцы, кубанцы (черноморцы и линейцы) защитят свои Казачьи права, не продадут их „Освагу“; если нужно, то и умрут за Казачество, как раньше умирали. Идите, г. председатель, своей дорогой, выгодной лишь для Вас, а мы, казаки, по ней не пойдем. Мы пойдем по дороге, по которой может быть сложим наши головы, но спасем Казачество, не посрамим седую Казачью историю. Пусть наши потомки будут гордиться нами, как мы гордимся славой наших дедов, и о ней, этой славе, песни поем.

Печатая о „самостийности“ свою статью в „Родимом Крае“ №. 6 г. Мельников, рассчитывал вероятно на то, что казаки, не разбираясь, склонят свои головы перед выборным „повелителем“: веди, мол, куда хочешь.

Ваш рассчет, г. Мельников, грубо ошибочен, т. к. казаки, слепо отдавшие свои жизни в дни борьбы с большевиками, перенесшие всю тяжесть начала и трагического провала прошлой бойни, виновниками провала считают таких, как Вы. Казаки поняли Ваши стремления и начали разбираться во всяких „окриках“. А разобравшись, не стесняясь, говорят: Вы не правы, Вы не защищаете казачьих интересов, Вы, нападая на „В. К.“. нападаете на своих казаков т. к. „В. К.“ есть выразитель казачьей мысли и казачьих желаний.

У казаков авторитет ген. Богаевского подорван не „В. К.“, а самим ген. Богаевским. Казачество поверит ему только тогда, когда он будет прислушиваться к чаяниям своего народа.

Вспомните его обращение к казакам перед зарубежным с'ездом! А теперь хочет вести Казачество по пути, указанному ими — врагами Казачества! А Вы, г. председатель, не вспомните ли своего обращения к казакам, напечатанного Софийской каз. станицей? Или не следует этого помнить, не выгодно, потому, что казаки, поддержав Вас тогда, не желают идти за Вами по пути „Возрождения“, перед которым Вы, судя по рецензии, — выслужились.

Примеров, характеризующих Ваши действия в служении не Казачеству — много. Не Вы ли сказали на докладе в Марсельской общеказачьей станице, что „только мы, казаки, можем быть хозяевами в нашей избе. Мы не будем открывать дверей для тех, кто мог бы только подумать о посягательстве на наши Родные Края“. Это разве ничего не говорить о самостийности? Или это нужно только так говорит, дескать — и казачью массу завоюю и поведу ее дорогой, угодной для меня.

Какая-же может быть вера в Вас, г. председатель, и кто ее подрывает в казачьей массе?

Освободительное движение, начатое с любовью к Родине, к своим вековым традициям и носителям освободительного движения — нашим предкам славным Атаманам, еще там на Родине, но „во грехе Вашем“ и Вам подобных, ушло вместе с казачьей массой и на чужбину... И, борясь со всеми трудностями, „В. К.“ несет свято свое знамя, зажигая в сердцах казаков искру правды и справедливости, осуждая и критикуя неправильные действия представителей каз. власти. Эти казаки, взявшие на себя только из за любви к Родному Казачеству крест нести знамя освобождения, заслуживают по возвращении на Родину не „окрика“ ген. Богаевского а всеобщего почета и уважения. Да еще вопрос: заедет ли ген. Богаевский на Дон? — Подготовит себе еще отсюда теплое местечко в Питере...

Г. Мельников, опирается как на авторитет на поздравительное письмо Ильи Петровича Карташева, который в речи своей по подготовке к зарубежному с'езду в г. Софии (Болгария) в Русском доме, громя работу В. Атамана между прочим заявил, что „Атаман Богаевский как пилат умыл руки, отошел от национального русского течения и тем самым продал Казачество“. Привожу выдержку из поздравительного письма г. Карташева, напечатанного в „Род. Крае“: „Вы, как верный часовой, стояли на посту хранителя и защитника идей нашей донской государственности, нашей донской Конституции“. Это ничего не говорит о самостийности?

Да и уместно ли приводить выдержки из поздравительных писем отдельных членов Войскового Круга?.. Как не понять, что приведенные мысли указанных членов есть простая вежливость... Ведь в такие знаменательные периоды обыкновенно упускается критика и всякими способами подчеркиваются достоинства юбиляра. В данном случае заявления по адресу Войскового Атамана могли быть направлены не ради его особых заслуг, а во имя чести всего Казачества, привыкшего с уважением относится к своим Атаманам.

Вот почему и „Вольное Казачество“, выступая против Атаманского „окрика“, резко ставит границу между Атаманом Войска Донского и личностью ген. Богаевского. Вот почему и г. Мельников, учитывая уважение Казачества к своим Атаманам и вообще к органам казачьей власти, не раз свои и ген. Богаевского личные дела старается втиснуть в рамки работы за общеказачье право... и не стесняясь прикрывается кем то и когда то высказанными „чувствами“ по адресу Атамана и его правительства.

Не будь Атаманом ген. Богаевский или председателем г. Мельников, все равно отношение казачьей мысли к своим институтам власти нисколько бы не понизилось. Правда, обществ. руководители всегда имеют вес и значение в глазах массы народа... они могут влиять в ту или иную сторону на массы, иногда даже значительно, но всегда до известного предела, после чего наступает крах их авторитета и какая бы горячая любовь не проявлялась к символу носимой ими власти — неизбежно наступает момент, когда народ в своей безвыходности прибегает к освобождению от таких личностей, т. е. к революции.

Рядовое казачество с нетерпением ожидает момента, когда ген. Богаевский решится, наконец, проверить свой авторитет, когда он наконец созовет с'езд казаков, чтобы услышать подлинные чаяния своего народа...

Опираться на входящие в Казачий союз хутора и станицы, не выслушав их с глазу на глаз через их представителей, и ими же бить самостийное течение как будто не честно, т. к. в каждой станице половина, если не больше находится этих „презренных“ (по выражению Мельникова) казачьих самостийников.

Можно ли ожидать после этого хороших результатов от ген. Богаевского и г. Мельникова разразившихся полным призрением к лицам на спинах которых они хотят продолжать укреплять свой авторитет?!.

Не деньгами покупаются самостийники, а истинной любовью к своей Родине.

Не виноваты казаки, что они начинают не уважать русского!.. Слишком уж много он теснил казаков и продолжает все время эту свою „работу“...

Да, совершенно верно заявляет г. Мельников об обезкровлении Казачества в гражданскую войну. Да, Казачество умирало... без ропота, без слов... защищая свои станицы. А Вы тем временем, заверяя в своих верноподданических чувствах Добрармии, строили с безжизненных трупов трамплин для главнокомандования, чтобы первым прыгнуть в Москву, насаждая по пути помещиков...

Казаки, сосланные на каторжные работы, хорошо помнят виновников своего горя, и в свое время воздадут должное врагам Казачества и тем казакам, кто им сочувствует.

Черноморец **С. И. Шепель.**

Казачья эмиграция.

В поисках земли.

Казачий Колонизационный Комитет получил первые известия от своего уполномоченного из С. Америки доцента кооперации, инж. В. И. Терещенко (кубанский казак), командированного туда в конце июня месяца. Известия эти весьма благоприятны. Переговоры которые велись в Вашингтоне, а потом поездка в Техас и Северную Мексику, открывают, по мнению Терещенко, весьма большие перспективы для казачьей эмиграции. Надо только умеючи эти перспективы и возможности использовать.

Вопрос о посылке особой казачьей делегации для осмотра намеченных земель почти решен уже в положительном смысле. Пока же ожидаются подробные материалы от Терещенко, собранные им при своей поездке в Техас и Мексику.

В виду того, что колонизационный вопрос приобретает уже характер почти реальности, мы позволим себе в самых общих чертах познакомить заинтересованные казачьи круги с теми „предпосылками“, которые положены в основу данной работы.

Тяга казаков к земле, желание провести годы эмиграции в родной стихии сельско-хозяйственного труда давно уже занимает В. К. Многочисленные постановления станичных сборов и живой интерес, пробужденный отправкой казаков-переселенцев в Перу, заставляют серьезно задуматься над колонизационным вопросом и изысканием путей его разрешения.

Для наших читателей, мы думаем, вполне ясно наше отношение к попытке переселения в Перу. Как мы неоднократно подчеркивали на страницах нашего журнала, мы от души желаем успеха пионерам этого дела в Перу, но в то же время констатируем, что проведение этой попытки сопровождалось рядом неосмотрительностей, которых можно было бы избежать, и которые уже ни в коем случае не следует повторять в будущем. В настоящий момент по ряду соображений мы еще не можем дать полную картину работы, проводимой в данном направлении К. К. и хотим лишь пока осветить те общие принципы, которыми руководится К. К. в своей работе по данному вопросу.

Переговоры К. К. по вопросу о поселении казаков на землю прежде всего выдвигают вопрос об отправках организованных масс и совершенно исключают возможности поисков „счастья“ одиночек. Только переселение организованной массы может прекратить процесс распыления по белому свету казаков-эмигрантов и создать в том или другом месте компактное ядро с сохранением быта, обычаев, организационных форм и вообще к а з а ч ь е г о лица. И только такое же сплоченное ядро, в экономическом отношении организованное на кооперативных началах. К. К. и мыслит себе как группу, могущую вступать в те, или иные договорные отношения для использования колонизационных возможностей в той, или иной стране.

Следующей основной предпосылкой является оставление за собой полной самостоятельности в решении колонизационного вопроса. Это не значит, что К. К. отказывается принципиально от сотрудничества с кем бы то ни было. Наоборот, всякое сотрудничество К. К. приветствует, но при двух условиях: оно должно быть сотрудничеством д е л о в ы м и во вторых на равных началах с теми лицами, группами, или учреждениями, которых оно будет касаться. К. К. считает, что казачье дело нужно делать казачьими руками, идя может быть с кем то рядом, но никуда не вливаясь, не растворяясь, не обезличиваясь и не давая себя вести в качестве подчиненных. Отсюда вытекает следующее условие, лежащее в основе переговоров К. К.: никаких концессионеров. Если чисто технические условия поставят вопрос о концессии, то концессионером должна быть сама же казачья организация, но не лица посторонние; если встанет вопрос о концессии совместной с кем то, то повторяем, что казаки должны остаться самостоятельным юридическим лицом.

В связи с тем, что одной из главных трудностей колонизационного дела и устройства казаков на месте является вопрос финансовый, К. К. думает, что поступает правильно, связывая решение казачьей переселенческой проблемы с капиталом американским. Последний охотно готов идти навстречу и пред'являет К. К. лишь одно справедливое требование: организацию переселенцев, организацию вплоть до своих агрономов, докторов, учителей, инженеров. В связи с этим и намечающиеся работы для колонизации лежат в непосредственной сфере американского капитала: еще не заселенные пространства СШтатов, Канады, Мексики.

В сравнении с более южными странами, указываемые нами районы имеют то преимущество, что в них переселенца не ждут ни совершенно незнакомый климат, природа, ни специальные тропические болезни, так больно ударившие по казакам в Перу. Наконец, той стихией с которой здесь пришлось бы может быть вести, как всякому колонисту, борьбу казаку, была бы родная ему степь, а не незнакомый тропический лес. Далее, СШтаты и районы к ним прилежащие, дают возможность использовать те огромные технические возможности XX в., которые едва ли можно связать с заселением пространств, лежащих на огромных расстояниях от культурных центров в полукультурных странах. Быть может здесь нам придется откинуть мысль о получении земли совершенно бесплатно, но ведь хорошую землю даром нигде не дают; а если землю дают даром, то это значит, что имеется какие то данные, что на нее нет покупателей. Дешево же землю мы быть может и получим; трудности с организацией кредита, конечно, будут велики, но за то каждый казак будет иметь свой собственный кусок земли, ценность которой в экономических условиях Северной Америки подымается после первого же посева.

Так же желательной нам кажется и возможность близкого выхода к Атлантическому океану, что характеризует, напр., свободные земли в Северной Мексике: ближе к мировому рынку, ближе к культурному свету, рядом с Соед. Штатами, и ближе и к себе домой.

Определение и выбор района может быть сделано лишь после проведения самой детальной ответственной

работы. К. К. не может взять на себя ответственность звать ехать куда то казаков до тех пор, пока особая казачья комиссия, составленная из людей, разбирающихся в специальных вопросах агрономии, экономики и т. д. и возглавляемая человеком, которому переселенцы могли бы довериться вполне, как своему казаку, не побывает на месте и самым тщательнейшим образом не произведет обследование намеченных для колонизации мест. Посылка такой комиссии, как выяснилось из переговоров, является реальным вопросом ближайшего будущего. Только по возвращении такой комиссии может быть решен вопрос окончательно.

Надеясь в следующих номерах журнала дать уже более детальные сведения о производимой по данному вопросу работе, К. К. еще раз подчеркивает необходимость организационных действий без излишней потери времени, но не „впопыхах“, смелых, но не „на ура“.

Памяти Тепкина.

10-го августа Калмыцкая Комиссия Культурных работников в Праге устроила специальное открытое заседание комиссии, посвященное памяти полк. Тепкина по случаю исполнения 10 лет со дня его смерти.

Пространную речь, характеризующую личность, роль и значение покойного, сказал председатель Ком. Б. Н. Уланов. С личными воспоминаниями о покойном выступали Д. И. Ремилев и С. Б. Балыков.

Новое открытие.

Одна из Югославских газет сообщает об одной почти до сих пор мало кому известной казачьей колонии — Николаево в районе Вуковара в Югославии. Еще в 1920 году при содействии и помощи правительства одной группой казаков было получено для обработки 27 ютров земли, на которой и была основана настоящая колония. Неустанными трудами самих казаков они теперь стали на ноги и хозяйственно окрепли. Они теперь арендуют 420 ютров земли и колония насчитывает 150 человек населения, включая женщин и детей. Есть между ними и семейные и холостые; между семейными — женившиеся на местных женщинах и от них дети, нового типа казаки и казачки.

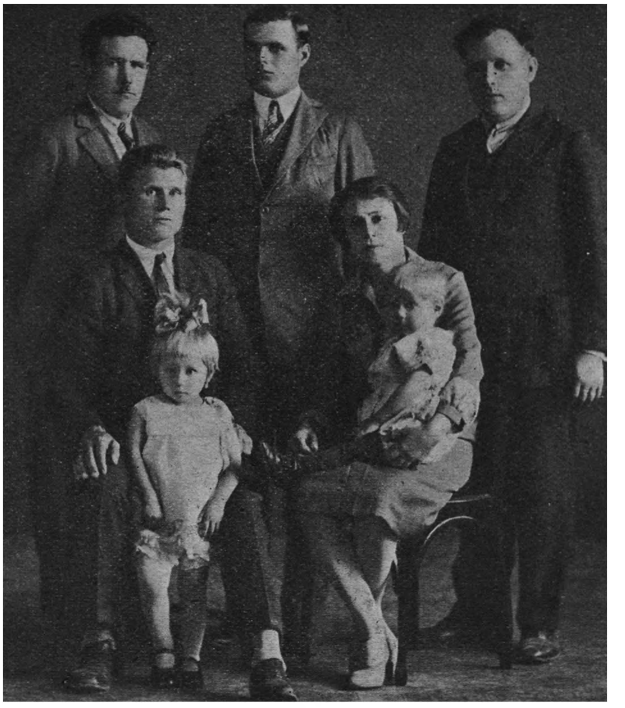
Колония сеет пшеницу, кукурузу, ячмень, овес, коноплю и сахарную свеклу. В этой казачьей колонии царит строгий порядок. У них есть выборный старший, Ф. Ф. Медведев. Есть и рядовые казаки и офицеры. Живут по казачьи. Между прочим следует припомнить, что когда то часть задунайских запорожцев поселилась было в Австрии, выговорив от австрийского императора право на свободу своей внутренней жизни. Во время войны Австрии и Турции из этих казаков были сформированы особые отряды, которые храбро боролись с войсками Османов.

И теперь, спустя почти два столетия, на берегу Дуная опять возникает (и по той же причине!) Казачья колония.

Георгий Алферов.

Казаки на угольных шахтах в Бельгии, в середине инж. И. Н. Шевяков.

Группа казаков казачьей станицы в г. Бургасе.

В Бургасе.

Бургасская казачья станица постепенно крепнет. В числе граждан станицы насчитывается уже 73 человека, из всего числа здешних казаков около 100 человек. Несколько офицеров, как например старый атаман станицы, подполк. Лобачев, не окончивший срок атаманства генерал Греков, полк. Сулин, под'ес. Соколов и др. покинули ряды станицы. Как причину своего ухода они указывают на „уклонение молодежи от заветов дедов“ и что молодежь идет по пути самостийничества. Вопрос спорный, кто идет по путям дедов, они или самостийники, которые подняли старые знамена и стремятся к своей свободе, к чему стремятся теперь все народы.

На последнем станичном сборе атаманом станицы избран Дьяков (ст. Митякинской), помошником атамана Д. Г. Кундин (ст. Новочеркасской), писарем Ершов (ст. Ольгинской), казначеем Архипов К. И. (ст. Верхне-Курмоярской).

Новое станичное правление обратилось с призывом к казакам создать сильную казачью семью, несмотря на попытки ушедших членов станицы сеять рознь среди доверчивых и простых станичников. **К. Терешкин.**

О Кубанских регалиях.

Почти вся Белградская печать отметила на своих страницах знаменательный день Казачества — 21 июля. В этот день из уст в уста переходили разговоры о казаках, о казачьей дисциплине, о храбрости казачьей по всей Югославии. В тот день первый раз за десять лет вскрыли ящики и вынули Кубанские регалии. Здесь можно было услышать слово Сечь... Запорожье, Севастополь, Плевна, Шипка и пр. Кубанская комиссия во главе с ген. Кокунько один за одним вынимала эти святыни казачьей истории, обвеянные седой славой отцов и дедов. 91 знамя, 32 военных трубы, 17 различных атаманских знака и эмблем и 24 пернача с надписями, насека Кубанского Войска и много другого было извлечено из забитых ящиков в этот день... Будем верить, что настанет для нас, казаков, день, когда эти знамена развернутся и мы опять пойдем отстаивать нашу общую казачью свободу, ведомые тенями наших героев — дедов, жизнь свою положивших под этими знаменами во славу и за свободу Казачества. **Г. А.**

В Париже „неспокойно".

В Париже уже не секрет, что напечатанные в июльском номере „Кавказского Казака" приказы Кубанского и Терского Атаманов об учреждении „фонда спасения Родины" очень не понравились ген. Миллеру, полагающему, будто бы, что призыв Атаманов может повредить „общему делу, внеся смущение в умы жертвователей казаков".

В казачьих кругах Парижа говоряг, что „возглавление Общевоинского Союза" обращалось специально к Донскому Атаману ген. Богаевскому (состоящему одним из членов главного Комитета Фонда имени Вел. Кн. Ник. Ник.) за раз'яснением о том, как следует понимать призыв Куб. и Тер. Атаманов. На это ген. Богаевский будто бы ответил, что ему ничего не было известно об этом „выступлении". Сам же ген. Богаевский подобных „сепаратных выступлений" Атаманов не разделяет.

Вести из Перу.

По полученным недавно в Белграде сведениям из Перу группу казаков ген. Павличенко постигла окончательная неудача. Сам ген. Павличенко „устранен от должности", вызван в Лиму (столица Перу), а над казаками назначен „наказным атаманом" какой то лютый майор, который „обезоружил" казаков и насильно поселяет их вновь на р. Апуримак, как пишут „прямо на гибель".

Как выручить казаков? — Вряд ли удалось бы вывезти их опять в Европу. Легче было бы переправить их на новые земли в С. Америку или С. Мексику, если новое казачье колонизационное начинание (краткие сведения о котором читатели найдут в этом же номере) увенчается успехом.

В Казачьих Землях.

Превращение Донецкого угля в нефть.

Изобретение германского профессора Бергиуса, касающееся превращения угля в жидкость и добывания таким путем различных минеральных масел, относится еще к довоенному времени, но стало известно широким кругам сравнительно недавно и то лишь по довольно скудным сообщениям иностранной (не германской) прессы. Проф. Бергиус добился превращения угля в жидкость (так называемое гидрирование угля) при условиях высокого водородного давления и неизменно высокой температуре. Опыты его показали, что почти все сорта углей, кроме антрацита, годятся для гидрирования, но что почти каждый сорт требует других условий химической реакции. Целый ряд лет прошло в попытках разрешить проблему гидрирования угля в „фабричном" масштабе. По данным химика Емшнера (одного из главных сотрудников проф. Бергиуса) при машинной „бергенизации" из 100 кил. угля получается: 20 к. минерального масла с точкой кипения ниже 230°; 10 кил. масла с точкой кипения до 330°, 20 к. масла светлого, с точкой кипения свыше 330°; 7 к. воды и $^1/_2$ к. амониака; остальное получается преимущественно в виде газов. Продуктами бергенизации являются, главным образом, бензин, а также дизелевое, смазочное и топливое масло. Стоимость производства 1 тонны жидких нефтяных продуктов исчисляется тем же автором в 85 г. марок. Рыночная стоимость тонны этих продуктов, в зависимости от сорта обрабатываемого угля, 170-200 марок.

Если выгодность процесса оправдается опытом хозяйственной работы в большом масштабе, то изобретение Бергиуса, может произвести серьезные перемены на рынках угля и нефти и мировое значение его даже затмит Габеровское изобретение — добывание из воздуха азота, т. н. синтетическое производство. При настоящем значении нефтяного рынка вопрос этот представляет собой первостепенную важность для всего мирового хозяйства и для международной политики. Как изобретение немецкого ученого, эксплоатируемое в Германии, процесс Бергиуса имеет громадное значение для Германии. С одной стороны Германия богата углем (в 1913 г. добыто 190 м. тон.), т. е. необходимым сырым материалом (т. н. лигнином) для добычи угля. С другой стороны она потребляет ежегодно все больше и больше нефти, которую всецело приходится ввозить из заграницы. Ввоз же этот не только обременяет торговый баланс Германии, но ставит ее, в силу значения нефти для морского и воздушного флота, в политическую зависимость от стран, господствующих на мировом рынке. За последнее десятилетие нефть вытеснила весьма значительно уголь из потребления, прежде всего в судоходстве. Доля нефтетоплива в мировом флоте повысилась с 2% в 1914 г. до 35% в 29 г., а доля мелких судов с 0,6% до 15%, в то время как доля угольного топлива пала до 57%.

Конкуренция сравнительно дешевого суррогата нефти не так опасна для каменного угля как для... самой нефти. Необходимо, однако, указать, что значительные круги в угольной и нефтеной промышленности немедленно учли экономическое значение изобретения Бергиуса и приняли всяческие меры для использования его в своих интересах. Вокруг названного процесса сгруппировался целый ряд крупных концернов и отдельных фирм различных национальностей, интересы которых, тесно и своеобразно переплетаются. Поскольку сведения эти проникли в печать, права на эксплоатацию привиллегии проф. Бергиуса, уже в широкой степени интернационализированы и находятся преимущественно в руках германского, голландского, английского и американского капитала...

Добывание из каменного угля нефти, повторяем, имеет весьма важное значение для наших Казачьих Земель. Как известно (календарь „В. К. за 1930 г.), угольная промышленность Казачьих Краев (не считая добычи угля на Кубани, недостигающей и 100.000 пуд. в год) была представлена целиком на Дону. Правда, в советских газетах промелькнуло известие, что на землях Оренбургского Казачества производятся усиленные разведки угля и железной руды. Обнаружены запасы бурого железняка свыше 50 тонн (около 310. мил. пуд.) и каменного угля 200 мил. тонн (около 1.240 м. пуд). К сожалению, газеты умалчивают — возможна ли и насколько выгодна разработка этих залежей и, поэтому, приходится считаться пока только с существующей Донской углепромышленностью...

Донская область включает в свои границы около 30% того геологическо-хозяйственного района под именем „Донецкого бассейна", который в административно-географическом отношении захватывал часть Дона, Харьковщины, Екатеринославщины, обнимая, в общей сложности, площадь в 20 т. кв. верст. Из этой площади около 6,5 т. кв. верст лежало в пределах Дона (округ 1-й Донской, Таганрогский, Черкасский и Донецкий).

Из общей цифры запаса бассейна на долю, находившуюся в пределах Донской области, приходится около 19 мил. тонн (1175 мил. пуд.), что составляет 10% запаса Англии с Ирландией, и превышает запасы Франции (1.758 м. т.), Бельгии (11 м. т), Исландии (8,7 м. т.) и Голландии (4,4 м. т.).

Хотя угольные месторождения на Дону обнаружены очень давно, но эксплоатация их началась лишь в конце 18 века. До начала 70 г. прошлого столетия, каменноугольная промышленность была в зачаточном состоянии и имела лишь местное значение. Добыча угля уже в 1913 г. составляла 3,3% добычи Германии, Франции — 20%, Бельгии — 37%, Индии 51%, Венгрии — 87%; добычу угля Испании Д. О. превосходила в 2 раза, Италии в 11 раз, Швейцарии в 20 раз! Средняя себестоимость 1 пуда угля составляла 9 коп. в то время, как в Америке лишь 4,5 коп. В восьмидесятых

годах 19 ст. сильным конкурентом каменному углю Донецкого бассейна, выступила бакинская нефть. Каспийский флот, пароходство по Волге (т. н. теплоходы), железные дороги и промышленность Кавказа (двигатели внутреннего сгорания) перешли на нефть. При дешевизне водной доставки (при помощи железных наливных барж) нефть даже в Нижнем Новгороде стоила дешевле каменного угля, хотя впоследствии цены (1913 г.) поднялись и стояли весьма высоко.

Пожалуй не легко будет найти отрасль промышленности так или иначе несоприкасающейся с нефтью, бензином, керосином, смазочными маслами, парафином, газолином, тулуолом, нефтеными остатками...

Московские коммунисты прекрасно учли значение нефтепромышленности для хозяйственной жизни страны — СССР.

Поэтому, у большевиков, добыча нефти, кажется, единственная прилично поставленная отрасль промышленности. Дело в том, что „советам" до „зарезу" нужна заграничная валюта; ради нея им, покрайней мере, в нефтепромышленности пришлось отказаться на все 100% от губительной для каждого живого дела, коммунистической политики и перейти на экономическую политику „мировой" буржуазии. Против буржуазии московские коммунисты, как известно, ведут уже свыше 12 лет как и у себя дома, так и заграницей, беспрерывную войну и приходится только поражаться крайней снисходительности государств, до сих, терпящих у себя „злое хозяйниченье" — современных „гуннов" — русских большевиков!

На Казачьих Землях московские коммунисты построили нефтепровод Грозный — Туапсе длиною в 624 километра. Перекачка нефти обходится в 2 раза дешевле, чем перевозка ее по железной дороге. Нефтепровод работает вполне удовлетворительно и сейчас приступлено к работам по прокладке второго нефтепровода Грозный — Туапсе. В апреле с. г. можно было видеть в г. Праге, в кино „Народ" — „культурный" советский фильм, в котором демонстрировалась постройка второго нефтепровода Грозный — Туапсе...

В „очковтирательной" для „знатных иностранцев" советской пятилетке имеется грандиозный план строительства нефтепровода между Эмбой и Самарой и начало сооружения нефтепровода Петровск — Москва. В с. пятилетке есть много вымысла, быть может хвастовства, но постройка их вполне возможна, само собой разумеется, только не при коммунистическом режиме...

При наличии этих двух нефтеных „артерий", и как вследствие этого удешевления доставки нефтеных продуктов, нефть снова станет сильным во многих отношениях конкурентом Донецкому углю... На Дону может возникнуть угольный кризис, (перепроизводство) и придется разрешать проблему: что делать с сотнями миллионов пудов громозкого, ставшего излишним, каменного угля? Вот тут то и приходит на помощь Казачьим Краям великое изобретение германского профессора Бергиуса.

Для превращения угля в нефть можно перерабатывать дешевые сорта углей, угольную пыль и некоторые другие отбросы каменноугольной промышленности. Правда, судя по угольным залежам Донской Области весьма большой % припадает на антрацит, не поддающийся пока превращению в нефть. Но ведь существуют такие отрасли промышленности, в которых каменный уголь ни в коем случае не может быть заменен жидким топливом, поэтому заботиться о перепроизводстве дорогих сортов угля пока и в дальнейшем не приходится.

Производство Дона у себя, на месте, собственной нефти имеет колоссальное значение как и для Казачьих Краев, так и для окружающих их земель. Насколько важна для народного хозяйства выработка нефтеных продуктов для стран неимеющих месторождений нефти, примером может служить, в этом случае, Эстония. Эта свободолюбивая страна (ее территория — 50.000 кв. кил., больше Дании, Голландии, Бельгии), успевшая своевременно вырваться из цепких рук московских палачей (что мы только собираемся сделать), совершенно не имеет источников нефти, но зато у нее есть торф, бурый уголь и сланец.

Тем не менее благодаря переработке торфа и т. н. „горючего сланца", ввоз нефтеродуктов с каждым годом уменьшается. В следующем году после окончания постройки нового большого завода для переработки горючих сланцев, предположено по удовлетворении собственной промышленности нефтепродуктами, часть их, в том числе бензин, экспортировать заграницу. Интересно, что разработки сланцев были уже давно в Эстонии и они добывались в ничтожных размерах самым примитивным путем... Только тогда, когда Эстонии удалось сделаться независимым государством — добывание из сланцев нефтепродуктов смогло стать на правильный, и комерчески и технически, путь широкого масштаба, о чем нам, казакам, не следует забывать.

Почти тоже самое можно сказать и о Донском Крае. По удовлетворении продуктами нефти Донской промышленности и с. хозяйства, вполне будет возможно часть более ценных продуктов экспортировать заграницу. Для этой цели, вероятно, придется построить несколько нефтепроводов (или пожалуй, бензинопроводов) к Волге, к Азовскому морю в Ростовский порт, который, конечно, должен быть настолько углублен, чтобы к пристани могли совершенно свободно „пришвартовываться" морские пароходы для наполнения Донским бензином, керосином, р. маслами. Для развития Донской нефтепромышленности, экспорта ее продуктов потребуется большое количество каменного угля, а усиленный спрос на уголь весьма благоприятно отзовется и поднимет еще на большую высоту нашу углепромышленность...

Экспортируя заграницу Донские нефтепродукты, Казачьи Земли получат иностранную валюту, столь необходимую для восстановления разрушенного м. коммунистами народного хозяйства Казачьих областей и этим путем будут выковывать еще одно звено сближения Казачьих Краев с заграничными рынками.

О. Батурин.

Дорожное.

... Я вышел из комнаты, спустился вниз и по Варшавским улицам направился к Висле. Перешел по мосту, перекинутому через широкую Вислу, и вошел в ту часть Варшавы, которая называется „Прага". Уже с моста я увидел, возвышающиеся небесного цвета купола; быстрее и энергичнее задвигались мои ноги.

Почти незаметно подошел я к ограде собора и перед самым моим входом в ограду, заунывным звоном загудел „достойно". Звон точно такой-же, как в моей станице, в новой церкви, только она величественнее стояла на новой площади нашей станицы. На паперти моим глазам бросились нищие. — Да, точно так, как когда-то было у нас, — невольно сорвалось с моего языка.

Вошел в церковь: На амвоне стоял протодиакон и пел „верую", а за ним пели все прихожане. По телу моему, с ног до головы пробежала какая-то дрожь. Давно я не был в церкви и почти забыл, какую силу красоты имеет православное богослужение. Я постоял еще немного, впившись взором в царские врата, за которыми был виден стоящий перед престолом епископ. Затем окинул взглядом всю церковь. Народу было полно, но Р. Р. я не видел среди молящихся. Где же он, подумал я, и в это время раздалось мягкое стройное пение церковного хора. Хорошо поют но в Белграде лучше, подумал я и снова окинул взором церковь.

Служба близилась к концу. Я еще немного постоял и вышел. Как только вышел из ворот ограды, сей час же издалека увидел высокую стройную фигуру Р. Р.

— А вот и вы, сказал он мне, когда я подошел к собравшимся в кружок.

— Знакомьтесь, это все казаки, кубанцы и донцы.

Ко мне потянулись руки и почти одновременно вопросы: как, откуда, что нового... это больные вопросы казаков эмигрантов. Им хочется знать, где и кто как живет, нельзя ли поискать там своей доли и жить своей казачьей семьей, хотя и на чужбине, но все таки среди своих; это их мечта, самое лучшее достижение здесь; по ихнему это мирный труд, своя семья, свои традиции.

Так мы поговорили довольно долгое время, нес-

колько раз прошлись и опять снова продолжали разговаривать и не могли сразу разойтись. Казаки с открытой душой подходили к нам и делились всем. Больше всего жаловались на безработицу и бедность, а еще больше на казачью распыленность. Во всех, очевидно, созрела и укрепилась мысль, что необходимо и казакам организоваться и заботиться только о себе, как это делают другие эмигранты.

Мы с Р. Р. ушли почти последними. Снова по мосту через Вислу. Скоро разошлись. Но не прошел я и трех шагов, как услышал голос Р. Р.:

— Приходите к нам часа в 4.

Я медлил ответом.

— Да приходите, все равно делать ничего не будете.

— Хорошо, приду — отвечал я ему.

Как будто и не долго ходил по улицам Варшавы, а время незаметно улетело. Взглянул на часы, — пора идти к Р. Р. Когда Р. Р. раскрыл дверь послышались чужие голоса.

— У вас гости?

— Да, это семья, которая недавно приехала из Екатеринодара.

— Вот это случай, сказал я про себя, спеша увидеть людей, которые недавно еще дышали кубанским воздухом.

Войдя в комнату я увидел двух дам. Хозяин нас познакомил. Сперва разговор вертелся вокруг обычных тем и я не спешил приставать с интересовавшими меня вопросами, хотя спросить и очень хотелось. Только достаточно поговорив на местные темы, я спросил у одной из дам, как теперь в Екатеринодаре. Она не сразу мне ответила, задумалась, а потом спросила, а что меня собственно говоря, интересует.

— Мне все интересно, что делается на Кубани, а потому рассказывайте все, что вспомните. Она еще подумала, прежде чем начать.

— Видите, если говорить с самого начала большевицкой власти на Кубани, то это очень длинно, да и почти невозможно передать всех тех ужасов, какие нами пережиты. Страшный голод, подметание улиц...

— Что это значит — подметание улиц?

— А вы не слышали об этом?

— Нет, не знаю.

— Это было так, в каждом Екатеринодарском доме все дамы были на учете; конечно, так называемые „буржуазные дамы"; каждый дом имел свою часть города, которую и должны были подметать эти дамы. Наряд вел дворник. Каждое утро, без 15 три, ходил он по квартирам, стучал в двери и кричал: „Подметать!.." Этого было достаточно, чтобы они торопливо одевались и в три часа уже подметали свои участки. Не придти было нельзя. Понимаете?

— Понимаю. А как теперь с религиозным вопросом?

Это я могу сообщить вам, как это дело обстоит в Екатеринодаре: почти все церкви закрыты, только одна осталась на Екатерининской площади; эту пока отстоял народ. На Рождественских праздниках и на Новый Год я была еще в Екатеринодаре. В сочельник, когда раздался звон колоколов, мимо Екатерининского Собора двинулась толпа с оркестром музыки по направлению к Войсковому Собору. Вошли все в Собор и там открыли танцевальный вечер, шумно продолжавшийся до утра. Колокола Войскового Собора сняты и там теперь кино и вечерами танцы, а в подвале картошка и другие „коммунальные натуральные налоги".

— Ну, а народ как, — живет в нем религиозное чувство?

— Только в людях старшего поколения, а молодежь вся безверная, испорченная; в станицах, там еще и молодежь более нравственная и религиозная, но тоже расшатана, а в Екатеринодаре просто невозможная. В 13—14 лет вы уже сколько угодно можете видеть матерей, безнравственных и больных. Мать не может распоряжаться своими детьми и воспитывать их по своему. Мать не может запретить своей дочери ходить на собрание. Часто бывают такие случаи, что дочери доносили ГПУ на матерей и последним приходилось по два, три дня отсиживаться в тюрьме. Никому нельзя верить, все доносят друг на друга; это особенно удручает человека. Кстати, упомяну вам, как ведут себя жены ушедшей интеллигенции, особенно военных. Это теперь там самый страшный народ. Сперва им было тяжело, их прижимали и унижали. Затем они сошлись с красными военными — чекистами и коммунистами — конечно о любви разговора нет, а просто из за куска хлеба, и эти женщины теперь хуже чекистов, они строят свое благополучие на несчастьи других. Часто они практикуют ложные доносы на своих знакомых из бывших военных, или просто на имущую семью. Тех расстреливают, а они укрепляют свое „положение". Но, положение это обычно бывает очень непродолжительно, комиссару скоро они надоедают; словом, держится, пока комиссару не приглянется другая. Тогда эти выкинутые женщины превращаются в добычу каждого, кто падаст хоть маленькую подачку. Много, много ужаса и дикости можете теперь там встретить. Атаманский дворец превращен в какое-то коммунистическое учреждение, не помню какое, а на месте памятника Екатерине стоит памятник Ленину. Была в театре и очень жалела. Там теперь только и можете услышать: „Сукин сын, паразит, гидра, буржуй, подлец и т. д."

— А в каком состоянии находится сей час сельское хозяйство?

— В разрушенном. Страшно большие налоги, поэтому почти никто не хочет добровольно заниматься хлебопашеством, а кто занимается, тому все приходиться отдавать; большею частью ставят такие условия, что хозяин должен бывает отказаться от полей. Происходит это обыкновенно так: Выходит какой нибудь мальчишка коммунист на едва выколосившееся поле и на глаз определяет сколько хозяин может собрать зерна с этого поля, записывает в свою книжку и уходит. Ему дела нет до того, уродится ли столько, сколько он записал или нет, он представляет там по начальству цифру. Это часто приводит к тому, что владелец еще до покоса отказывается от засеянного поля. Вот поэтому теперь почти никто не хочет заниматься земледелием из казаков. Большею частью коллективная работа. Происходит это так: комсомольцы с музыкой и зажженными факелами ходят ночью по улицам и выгоняют население в поле со всем живым и мертвым инвентарем, у кого что есть, и там под руководством коммунистов происходит общая вспашка или другая какая нибудь работа по сезону. Налоги, как уже говорила, невозможные, платить налоги приходится за все, живое, мертвое, кошек и собак.

— А существует ли теперь сельскохозяйственный кредит?

— Да существует, только он принял теперь форму „продовольственного" характера. Дают его в первую очередь бедным и на коллективные хозяйства, а потом уже собственникам, но фактически им почти ничего не перепадает.

— А кто пользуется землей, кому она принадлежит?

— Почти никому, казаки не берут, иногородние тоже не берут, считают, что земля казаков и потому боятся за могущие быть последствия в будущем. Больше всего пользуются землей приехавшие на Кубань армяне. Они считают, что пользуются землей временно.

— Существует ли антагонизм между казаками и иногородними?

— Да, но между старыми иногородними и казаками меньше, так как они почти на одинаковых условиях.

— А вообще живет ли дух казака? — решился наконец я на свой заветный вопрос.

— Живет. Но должна сказать, что казаки так придавлены, что их как будто нет, почти не видно и не слышно. Формы казачьей не носят, а если кто оденет черкеску, то это просто вызов и можно сказать, что человек просится на расстрел.

— Как же и что думают казаки на счет „дальше?"

— Надеятся на эмиграцию и говорят, что если бы им хоть небольшая помощь, то там бы они уж сами все сделали...

Ш. Ф.

Из писем оттуда.

Глубокоуважаемый Я. М.

Великая благодарность за открытку; читал письмо ваше к маме и очень многое для меня непонятно, но

пусть недосказанное останется недосказанным, когда сойдемся, тогда будем откровенны и поймем друг друга.

Новостей у нас много в перестройке общественной жизни, но она пока у вас неприемлема, да и вряд ли скоро будет принята, а может быть никогда; конечно, последнее лучше, а посему распространяться не буду... О беженцах наша печать опровергает, но судя по событиям вроде Хвоста (Фостикова. Ред.), думаю, что будут... Вы пишете, что возвращаться на родину пути закрыты, но я думаю, что когда либо и можно будет, ведь дипломатические отношения когда нибудь наладятся.

Напишу вам личное душевное состояние: конечно, живется перед ожиданием чего-то нового... Сейчас же сумно и кажется, что не будет в жизни ясных дней. Сам знаешь, я не из дворян, сею, пашу, кошу как и все, но вольный труд и труд из под палки не могут вместе мириться... Поколение, ныне воспитываемое в духе коммуны, и то зачастую говорит иначе. Азия права на вольность отстаивает с шашкой, но и это буза. Внутри работа идет своим чередом. И так: бачу я заплакану мати та поради не дам, бо сам сумний... Почманіли люде та й наділи на себе кайдани тієї комуни, що всім ненависна, а вслух кажуть, що добре, хоч і в роті кисло, і в животі бурчить; а раз кажуть, що це добре, треба і собі казать, що так, бо як скажешь, що кисло и гірко, то будеш там, де Макар телят пасе...

Знай, мій брате, що много людей під нуждою і всі вони кажуть вам туди: „Ой, рятуйте, бо всі ми потонемо в цім горі!“

Чого ще сказать? Мабудь ось те скажу, що немає чобіт, сорочки обірвались, а матерії і пупа прикрить не хватає; прядіво забрали то й прясти ні с чого; вівцю теж забирають и буде нам те, що тим циганчатам, що зіму стрічали голими та голодними...

Вигляда козачка свого козака, коли він верне́ться с Дуная, а він там сумує, ніяк в дорогу не збереться; а вона так його зустрічать рада, що й коржів спекла... Оце мої думки на самоті. Як дійдуть вони до тебе, той ти взнаєш, яка хвороба на мене напала...

Як получиш, то пиши, чи ти цю мову розібрав... Ти питав, як тепер збираються у Армавир, то скажу, що там так, як і раньше; багато туди збираються, мабудь там весело...

Так отак, Якове, грай там пісню вільну, поки чує наш отаман, щоб він знав, що помнют Рябовола... а що буде далі, ми не знаєм, тілько кажем, щоб ви грали, як грав Рябовол...

До побачення, бо мабуть побачимося.

Твій брат І в а н. 4-VI-1930 г.

Цены на Кубани.

В письме, недавно полученном с Кубани в Праге (писано 21 июля) приводятся такие цены в одной из больших станиц:

Пуд муки — 20 руб.; паляница — 3 р., фунт масла — 4 р., бутылка постного масла — 5 р., фунт сала — 4 р., курица — 5 р., обыкновенные сапоги — 50 р., ботинки — 40 р., ситцевая рубаха — 20 р.

Из этого небольшого перечня видно, что большевицкие деньги снова ничего не стоят...

По белу свету.

В Скоплье.

12 июня в день Петра и Павла престольный Град Царя Душана Сильного имел на редкость торжественный вид.

Все здания города были украшены национальными флагами, коврами и цветами, улицы переполнены народом, при в'езде в город поставлены триумфальные арки, а на перроне станции „Скоплье“ построены войска и сокола со своими знаменами и оркестрами и собраны: генералитет, сановники, чиновники, представители корпораций и удружений и все духовенство Южной Сербии со своими архиепастырями.

В 3 часа 20 минут крепостная артиллерия известила о в'езде в Скоплье неустанного борца за свободу Сербского Народа, бывшего Епископа Южной Сербии и Скоплянского Митрополита, а ныне Патриарха Православной церкви Королевства Югославии Варнавы.

Патриарх Варнава, в'езжая в Скоплье, где в течение двадцати лет был Епископом, прибывал в Свой Родной Край „где с детства ковал сны о Свободе Сербского народа и торжестве Православной церкви“.

Могострадальный Сербский народ дождался счастливой минуты, когда мог воздать благодарность Своему Учителю „как должно веровать в Торжество Своего Права, Свободу Народа и Церкви“...

Со станции „Скопье“, где Его Святость встретили Духовенство и высшие представители Края, Патриарх Варнава пешком прошел через город до Соборной церкви и Митрополии, благословляя десятки тысяч своего народа, на лицах коего, вместо прежней грусти и печали, были слезы радости и сознание собственной гордости, что рука Всевышнего из их среды взбрала достойнейшего и вверила Ему Свободу Церкви Православного Народа...

Скоплянская Общеказачья Станица накануне приезда Патриарха в Скоплье не имела возможности устроить сбор, дабы решить вопрос о встрече Его Святости, ввиду того, что казаки работали в окресностях Скоплье и не могли бы получить во время распоряжений Станичного Атамана. Но в последний момент, когда бывший Владыка Скоплянской Митрополии со станции Скоплье сделал первый шаг к своему народу, наши казаки уже находились на улицах Скоплье и вместе со своими братьями по Христу переживали минуты величия и радости Скоплянцев.

Патриарх Варнава, знавший наших казаков в течение десяти лет по Скоплье, по границам Албанской и Болгарской, по нашим скитаниям на работах в горах, на каменных и шоссейных постройках, где он часто раз'езжая по своей Митрополии, встречая казаков, задерживался в разговоре с ними, выясняя наши казачьи вопросы, стараясь не только придти на помощь нашим душевным переживаниям, но и оказывая всевозможную поддержку казакам в тяжелых условиях их жизни, — ныне Патриарх Варнава, угадывая на улицах знакомые ему казачьи лица и зная какие душевные терзания переживает братский народ по Христу, останавливал свои взгляды на наших станичниках, посылая им свое Благословение...

Вечером того же дня г. Скоплье иллюминован. На улицах большое народное гулянье, войска с факелами и музыкой дополняют торжество. Его Святость, Патриарх Варнава, стоя на балконе Митрополии, до поздних часов принимает приветствия народа. Снова, замечая казачьи лица, Патриарх Варнава посылает в их сторону ласковый взгляд и свое — благословение...

Расходятся казаки по домам молча, но с одними и теми же мыслями. Счастье и Радость Сербского народа велики, и они это бесспорно заслужили, так как среди хотя и малочисленного народа железная Воля к завоеванию своей Свободы была несокрушима и среди Сербской семьи двуличных, слабодушных иль продажных личностей не было.

В истории завоевания своей свободы имя сербина на протяжении пяти с половиною веков было чисто, как кристал...

Принимая на себя благословение Сербского Патриарха, наши станичники с болью в сердце должны признать, что в нашей то семье не без урода... Не потускнеет ли история Казачьей Вольности пред историей наших братьев Свободных Сербов...

П. Апостолов.

12-VII-1930.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.

Р. С. Ф. С. Р.
УКРАИНА
ДОН
Царицын
Новочеркасск
Таганрог
Ростов
Мариуполь
Ейск
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КУБАНЬ
Екатеринодар
Ставрополь
Новороссийск
Туапсе
КРЫМ
Керчь
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АВТ. НЕМЕЦКАЯ РЕСП.
р. Медведица
р. Сев. Донец
р. Дон
р. Волга
АСТРАХАНСКОЕ ВОЙСКО
КАЛМЫКИ
Элиста
Астрахань
ТЕРЕК
Моздок
р. Терек
Грозный
Владикавказ
ГОРЦЫ
Петровск
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
УРАЛЬСКОЕ ВОЙСКО (ЯИК)
Уральск
р. Урал
Гурьев
Александровск
ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЙСКО
Оренбург
Челябинск
Актюбинск
КИРГИЗЫ
УРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ТУРКМЕНЫ
И. Вильи - А. Бутинский - 1929.